

12+

Adam Gurowski

Россия как она есть. Russia as it is

«Издательские решения»

Gurowski A.

Россия как она есть. Russia as it is / A. Gurowski — «Издательские решения»,

Первый в истории перевод на русский язык труда Адама Гуровского «Russia as it is» (New-York, 1854 г.). Настоящее издание дополнено краткой биографией автора оригинала, а также комментариями переводчика.

Содержание

ОБ АВТОРЕ ОРИГИНАЛА	6
СОДЕРЖАНИЕ	10
ПРЕДИСЛОВИЕ	11
ВВЕДЕНИЕ	16
ГЛАВА I. ЦАРИЗМ И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ	28
ГЛАВА II. ЦАРЬ НИКОЛАЙ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Россия как она есть Russia as it is

Adam Gurowski

Переводчик Марк Габдра

© Adam Gurowski, 2026

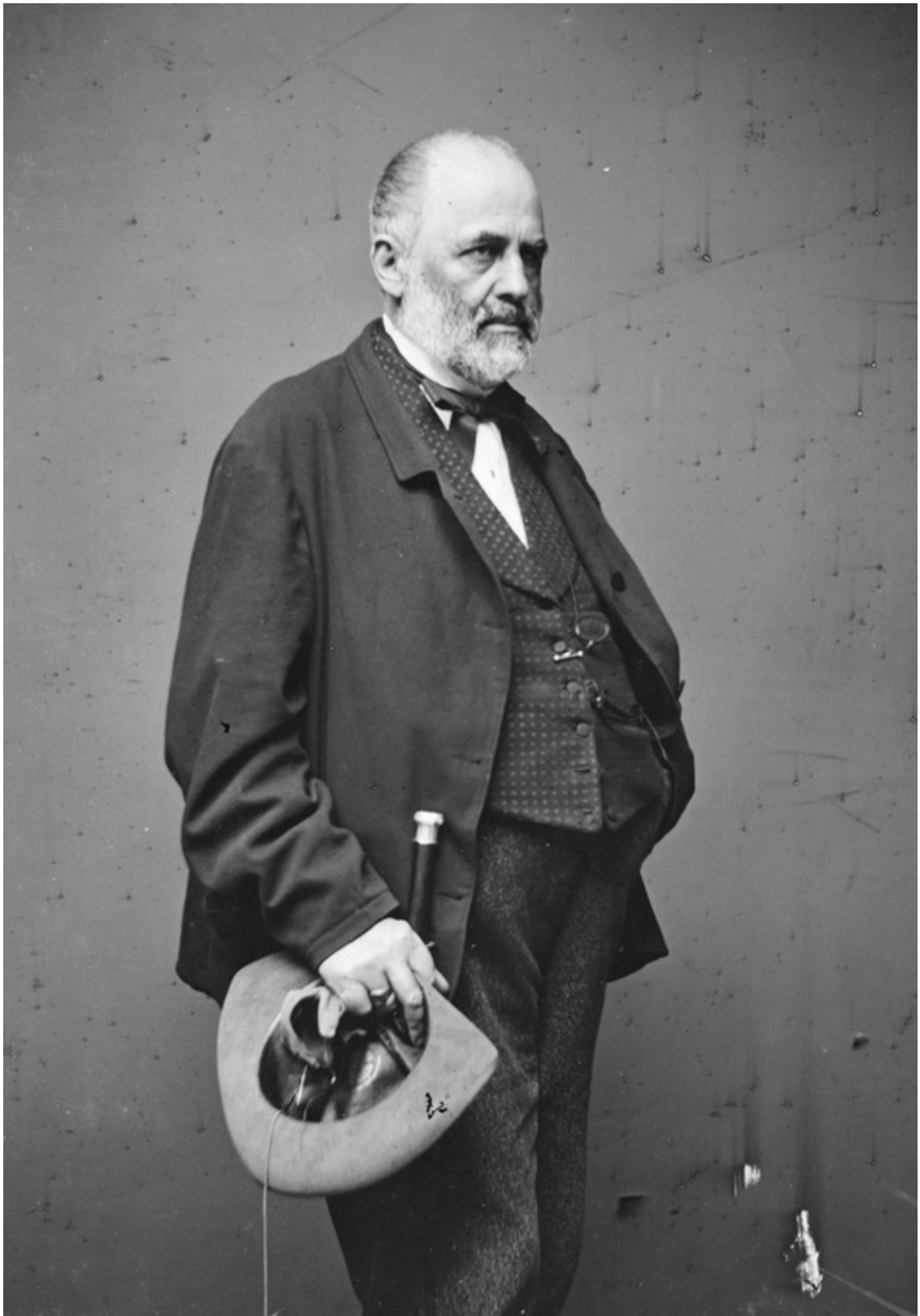
© Марк Габдра, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-1350-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОБ АВТОРЕ ОРИГИНАЛА

Адам Гуровский — одна из самых противоречивых и колоритных фигур XIX века. Его жизнь — это путь от радикального польского патриота до апологета российского самодержавия, а затем — влиятельного американского публициста.

Граф Адам Гвальберт Станислав Гуровский

Адам Гуровский родился в 1805 году в семье польского дворянина, графа Владислава Гуровского. Его происхождение открывало перед ним двери в самые высокие круги европейского общества. Родственные связи семьи были впечатляющими: его брат Дезидерий был женат

на испанской инфанте, а сам Адам, благодаря титулу и образованию, свободно чувствовал себя в аристократических салонах Парижа, Берлина и Санкт-Петербурга.

Молодость Гуровского прошла под знаком борьбы за независимость Польши. Он принял активное участие в Ноябрьском восстании 1830 года, был членом Патриотического общества и выступал за радикальные меры. После поражения восстания он был вынужден эмигрировать во Францию. Однако вскоре его взгляды совершили резкий поворот: разочаровавшись в польской аристократии, он стал проповедовать идеи панславизма под эгидой России, за что был помилован Николаем I и возвращен из изгнания для службы в российском министерстве просвещения.

Карьера в России не задалась из-за его сложного характера и интриг. В 1844 году он тайно бежит из страны, а в 1849-м окончательно переезжает в США. Там он становится известным политическим обозревателем, работает в газете *New York Tribune* и даже служит переводчиком в Государственном департаменте во время Гражданской войны. Его острый язык и бескомпромиссные дневники той эпохи сделали его легендарной фигурой в Вашингтоне.

Адам Гуровский остался в истории как человек «без родины», чей блестящий интеллект и графский титул сочетались с духом вечного бунтаря.

Литературное наследие Гуровского отражает его идеологические метания:

1. «*La civilisation et la Russie*» (Цивилизация и Россия, 1840) — работа, в которой он обосновывает цивилизаторскую миссию России.

2. «*Pensées sur l'avenir des Polonais*» (Мысли о будущем поляков, 1841) — размышления о судьбе польского народа.

3. «*O arystokracji, liberalizmie i demokracji w Polsce*» (Аристократия, либерализм и демократия в Польше, 1843) — критический анализ польского общественного устройства.

4. «*Le panslavisme, son histoire, ses véritables éléments religieux, sociaux etc.*» (Панславизм, его история, социальные элементы и т. д., 1848) — теоретическое обоснование объединения славян.

5. «**Russia as it is**» (**Россия, как она есть, 1854**) — написанная уже в Америке книга, дающая критический взгляд на российские реалии того времени.

Работа Адама Гуровского «**Russia as it is**» (1854) до сих пор не имела полноценного научного перевода на русский язык и массового издания в России по нескольким историческим и политическим причинам:

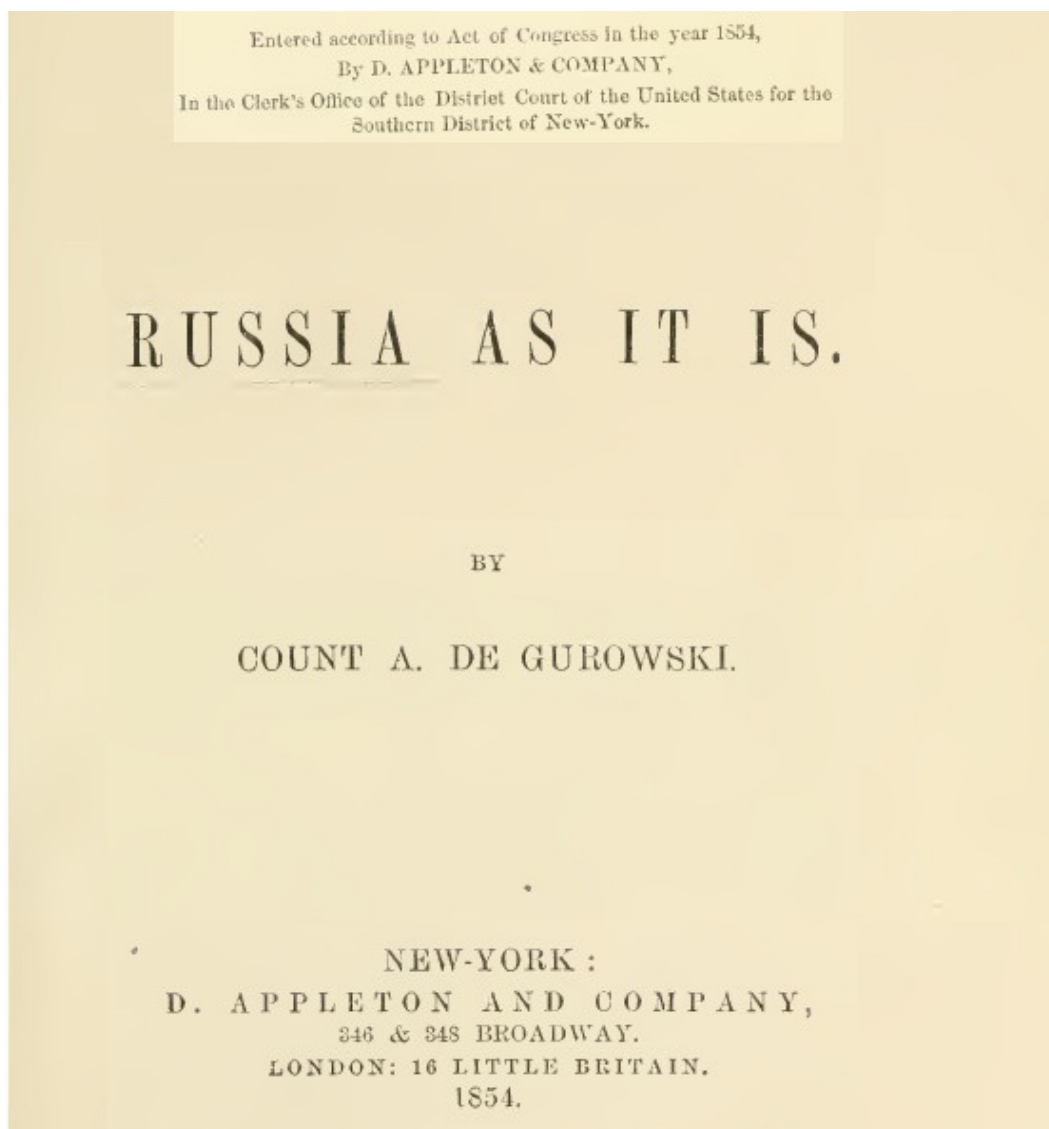
Жесткая цензура Российской империи: Книга была опубликована в США в разгар Крымской войны, когда Гуровский окончательно разочаровался в России. Текст содержал резкую критику самодержавия, бюрократии и Николая I, что делало его перевод на русский язык в XIX веке абсолютно невозможными.

Репутация автора: В России Гуровского долгое время считали «двойным предателем» — сначала он предал Польшу, поддержав царя, а затем предал Россию, сбежав в Америку и заняв антироссийскую позицию. Для имперских властей он был «политическим ренегатом», чьи труды не заслуживали внимания.

Специфичность жанра: Книга написана в жанре политического памфлета и путевых заметок для американской аудитории. Советская историография также не проявляла интереса к Гуровскому, так как его взгляды (сочетание панславизма с американским демократизмом) не вписывались в марксистскую систему координат.

Академический анализ: В современной России Гуровский остается фигурой «второго эшелона» для историков. Хотя специалисты по истории США и российско-американских отношений (например, из ИВИ РАН) используют его тексты в оригиналах, издательского спроса на перевод объемного труда полузабытого публициста не возникло... Пока.

Зарегистрировано в соответствии с Актом Конгресса в 1854 году, Компанией D. APPLETON & COMPANY, В канцелярии окружного суда Соединенных Штатов по Южному округу Нью-Йорка.

«Russia as it is» (Нью-Йорк, 1854)

СОДЕРЖАНИЕ

«РОССИЯ ТАКАЯ, КАКАЯ ОНА ЕСТЬ».

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГЛАВА I. ЦАРИЗМ И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ.

ГЛАВА II. ЦАРЬ НИКОЛАЙ.

ГЛАВА III. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ГЛАВА IV. АРМИЯ И ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ.

ГЛАВА V. ДВОРЯНСТВО.

ГЛАВА VI. ДУХОВЕНСТВО.

ГЛАВА VII. БУРЖУАЗИЯ.

ГЛАВА VIII. КАЗАКИ.

ГЛАВА IX. НАРОД, КРЕСТЬЯНСТВО и КРЕПОСТНИЧЕСТВО.

ГЛАВА X. ПРАВА ИНОСТРАНЦЕВ И ЧУЖАКОВ.

ГЛАВА XI. КОММУНА.

ГЛАВА XII. ЭМАНСИПАЦИЯ.

ГЛАВА XIII. ПРЕДСТОЯНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее время Россия всё больше привлекает к себе всеобщее внимание. Этот могучий колосс, возвышающийся над Европой и Азией, для многих — лишь тёмная пещера, наполненная демоническими силами, которые, будучи выпущены на свободу, должны погасить свет, поглотить цивилизацию и остановить поступательное движение европейского мира, словно нависая над ним всеми бедствиями и проклятиями тьмы. Насколько обоснованы и оправданы эти опасения, я попытаюсь прояснить на следующих страницах. Я постараюсь дать представление о сердце, жизни и силе этого политического гиганта.

Совесь и правда направляли мое перо в объяснении внутреннего состояния русского народа и построения его политического общества. Здесь представлены его институты такими, какими они существуют в реальности, какими они определяются действующими и обязательными законами. Обычай, нравы, чувства, мнения и стремления — такими, какими они почерпнуты из повседневной жизни народа.

Пронизанный деспотизмом и кастовой системой, этот народ, тем не менее, сохраняет свои светлые стороны. Добро и зло смешиваются здесь, как и в любом другом человеческом обществе. Особенности, характер и реальное положение русской нации представлены здесь читателю, возможно, впервые, в беспристрастной и не поверхностной манере. Однако это не история, хотя рассматриваемые здесь темы относятся к числу важных исторических элементов. Каждое проявление, каждый вид высказывания в общественной жизни принадлежит к безграничной исторической сфере.

Россия и её народ, как правило, малоизвестные, оцениваются по их внешней форме правления, и, следовательно, в основном по внешнему проявлению. Но не только эта сторона, не жизнь и деяния правителей, не битвы и расширение географических границ, не заключенные договоры и дипломатические уловки, которые исключительно формируют объекты истории. Всё это в совокупности часто не даёт истинного представления о жизни, лежащей в основе нации, жизни, протекающей под поверхностью и чаще всего в направлении, противоположном внешней форме правления. Это скрытое течение раскрывает истинный характер народа, его значение в будущих судьбах всего человечества или его части. Именно с этой точки зрения на страницах этой книги говорится о России.

Быстро перейдя к прошлому, я стремился объяснить формирование нынешней правящей власти, которая сама по себе является социальным элементом и фактором, как и любой другой. Я пытаюсь отдать ей должное, поскольку в данных условиях и кризисах, пережитых нацией, эта власть являлась результатом неизбежных потребностей и в такие моменты приносила пользу национальному существованию.

В жизни, в истории нации, народа, а также при рассмотрении истории даже всей нашей расы, все элементы, силы, факторы, а также переходящие социальные формы и способы правления должны быть справедливо рассмотрены и учтены; а добро и зло, вытекающие из этого, должны быть беспристрастно объяснены. Поэтому ни общая, ни частная история, ни ее различные составляющие не должны пониматься догматически. Ее совокупность является результатом индивидуальной или коллективной человеческой деятельности. **История — это отражение страстей, убеждений, чувств, планов, целей, стремлений, импульсов — высоких, великодушных или скромных, эгоистичных или экспансивных, всеобъемлющих.**

Все эти движущие силы часто представлялись личностями, такими как герои, основатели империй, лидеры, законодатели; или же специальными организациями, корпорациями или кастами, или массами людей, пользующихся правом на политическую и социальную жизнь. Таким образом, история так же многолика, как и человек, её создатель, с необычайной многогранностью его умственных способностей, с ещё более непостижимыми соответствиями и

несоответствиями страстей, чувств и впечатлений, пульсирующих в его сердце. Многие исторические явления, многие преобладающие моральные убеждения, передающиеся из поколения в поколение, многие социальные структуры, существующие веками, оставались бы необъяснимыми загадками, если бы рассматривались как результат случайности или слепой фатальности, и если бы причина их длительного существования не коренилась глубоко в человеческой природе и не зависела от определенных почти абсолютных законов, регулирующих общее историческое движение. Некоторые из этих законов будут указаны далее.

Многообразие исторических явлений, неразрывно проистекающих из многогранности человеческой природы, объясняет, почему каждая, даже самая крайняя идея или концепция, касающаяся социальной организации, может быть логически развита и подкреплена противоположными путями, с помощью, казалось бы, убедительных и неопровержимых исторических свидетельств и иллюстраций. Таким образом, абсолютисты, паписты, либералы, демократы, социалисты могут с одинаковой силой и изобилием извлекать максимы и примеры из истории, этого неисчерпаемого и вечно живого источника. Поэтому история кажется хаотичной бездной, наполненной свидетельствами как добра, так и зла, свидетельствами, которыми можно оправдать и то, и другое, и утвердить их право на социальное существование. Однако это не так. Вследствие вышеупомянутой многогранности человека, из-за бесчисленных страстей, будоражащих и побуждающих его к действиям, мы наблюдаем в истории постоянные взлеты и падения, превратности судьбы, являющиеся результатом победы определенного принципа, тенденции или даже индивидуальной воли над волей немногих или многих. Но поскольку конечной целью жизни и деятельности каждого отдельного человека является реальное или мнимое улучшение своего положения, даже если для достижения этой цели он часто совершает насильственные действия или руководствуется мрачным заблуждением относительно своих обязанностей перед собой и человеческим братством, точно так же история в целом стремится к конечной цели — обеспечению высшего развития каждого человека. Это развитие состоит в победе человеческой, умственной и социальной свободы — его абсолютной самобытности — над преходящими целесообразностями, уничтожающими или ограничивающими права всех ради немногих, независимо от силы и сиюминутного превосходства подобных целесообразностей.

В истории наконец восторжествовали разум и совесть. Из всего этого, казалось бы, противоречивого столкновения сил, борющихся за время и пространство, возникает всеобъемлющее согласие, отмечающее медленный, но непрерывный прогресс, ведущий и направляющий восхождение индивида в высшие и более чистые сферы человечества.

История — это летопись деяний всего человечества, а не только его так называемых типов, называйте их завоевателями или философами, основателями религий или империй. История охватывает жизнь всех этих бесчисленных индивидов, из которых формируются расы, нации, народы. Бесчисленные капли, маленькие родники, мутные и чистые ручейки и речки образуют могучий поток, текущий на тысячи миль. Так различные действия и стимулы, внешние или внутренние, факторы, объясненные или скрытые от обычного взгляда, величие и слабость, формируют историю каждой нации. И подобно тому, как ручьи и реки наполняют бездны океана, так и эти единые истории, объединенные вместе, образуют всемирную историю или историю нашей расы.

Оценивая действия отдельного человека, справедливо учитывать его положение, характер, прошлое, личные чувства, моральные и даже физические способности; справедливо принимать во внимание внешние стимулы, обстоятельства и элементы, среди которых он движется; то же правило должно применяться при оценке нации, народа. Славянская раса в целом, или Россия в частности, должна оцениваться в соответствии с этим принципом общей справедливости. С его помощью следует установить существующие в Евразии социальные элементы и проверить их обоснованность. Только тогда вещи предстанут в истинном свете; тогда станет

ясно, что за пределами самодержавия в России существует народ, чья судьба простирается за пределы временной тьмы, окутывающей его, которая вызвана скорее сменяющимися обстоятельствами, чем вечными историческими законами. Не правящая власть или существующее правительство, не высшие слои общества не несут в себе обещание будущего. Только народ является его носителем; народ, нынешние низшие классы, какими бы отсталыми и нецивилизованными они ни казались сейчас. От народа прольется поток, изменяющий существующее положение вещей, разрушающий его всеобъемлющую форму. Именно на такое будущее указывает эта книга.

Возможно, эта работа попадет в руки тех, кто знаком с моими предыдущими трудами, и я обязан им дать объяснение. Им известно, что судьбы славянской расы и России не впервые становятся предметом моих публикаций. Я был одним из первых, кто дал научное и историческое объяснение концепции панславизма, ища в ней ключ к пониманию кажущейся дикой и агрессивной экспансии России. Если я изменил свою точку зрения относительно способа, которым панславизм должен осуществить свою судьбу, то мои убеждения относительно существенного значения славян и России в великой семье народов несколько не изменились. **Когда-то я считал, что самодержавие станет великим и ярким маяком в этом движении; теперь я в это не верю.** В этом заключается изменение моих убеждений, и именно это я собираюсь объяснить.

Почти тридцать лет моя жизнь была омрачена политическими бурями, обрушивавшимися на мою родину, а также на другие части Европы. Таким образом, мне приходилось делать многое ради идей и личных убеждений, рискуя собственной жизнью, не говоря уже о понесенных материальных потерях. Я дорого приобрел право действовать самостоятельно. В юности вместе с другими патриотами я принимал активное участие в делах Польши, страны моего рождения. После нескольких лет жестоких преследований, благодаря нашим совместным усилиям было осуществлено восстание 1830—1831 годов, во время которого я пытался установить республиканское правительство, и чей катастрофический конец поверг меня в изгнание. Годы скитаний я провел в Европе, главным образом в Париже. Таким образом, у меня появилась возможность общаться с людьми самых разных взглядов и мнений; наблюдать и оценивать различные события, а также посвящать время социально-историческим исследованиям. **В моем сознании произошла революция. Тщательно анализируя причины политической гибели Польши, я утратил веру в возможность её возрождения.** Судьба славянского народа, маячащая на горизонте, не могла зависеть от одной из его самых слабых, иссохших и уничтоженных ветвей. **Только Россия представляла собой славянскую жизненную силу в сложных европейских и западных мирах.** Среди различных причин гибели Польши наиболее пагубной была на протяжении веков полная утрата какой-либо централизующей идеи, какой-либо организованной и направляющей власти.

Рост России был результатом существования подобного влияния. В то время не только политические теоретики, но и новые системы, стремящиеся реформировать общество в его основах, например, система сен-симонианцы¹ (St. Simonians), чьи концепции я изучал и разделял, — все они утверждали как аксиому, что общество должно управляться высшей волей, воплощенной в одном человеке, правящем или вдохновляющем остальных. Так возникло в моем сознании ошибочное убеждение, разделяемое многими другими, что энергичная концентрация власти является абсолютной необходимостью для существования, развития и прогресса общества в целом, а также отдельных наций. Согласно такому представлению, цивилизация должна распространяться сверху, и чем больше нация отстает, тем больше потребность в таком верховном лидере. Все политические и социальные школы твердили о необходимо-

¹ Сен-Симонианство — французское политическое, религиозное и социальное движение первой половины XIX века, вдохновлённое идеями Клода Анри де Рувруа, графа де Сен-Симона.

сти организации, достигаемой единством руководства. Чем больше мой разум был подавлен такими идеями, тем глубже я ощущал проклятие существования изгнанника, без корней на чужой земле; Уныние, столь прекрасно описанное Балланшем, который говорит, что «человек не имеет права выбора родины; но если он изгоняет себя, чтобы избежать жизни в условиях, которые ему не нравятся, то он остается без связи, он чужак на земле». Преданность и интерес, которые я испытывал к своей древней стране, полностью вытеснились моим интересом ко всему народу, от которого Польша, в конце концов, была довольно незначительной ветвью.

В течение последних тридцати лет все общеисторические исследования, а также философское осмысление истории были направлены на выяснение характера различных рас и их влияния на мировые дела. К отличительным характеристикам целых рас, которые в древности завладели Европой, а не к отдельным нациям, прослеживались все великие исторические события и прогрессивное развитие цивилизации. Так возникли те обобщения, которые были введены в философию истории, например, обобщение о германской цивилизации, которое определило все политическое и интеллектуальное состояние Европы после падения Римской империи. **Будучи славянином по рождению, я огляделся вокруг, чтобы увидеть, где живёт могучий ствол моей расы, и обнаружил, что только Россия представляет его.** Так зародилась у меня идея панславизма. Её значение — объединение разрозненных славянских семей, некоторые из которых жалко прозябают под чужеземным господством мадьяров, турок и немцев, в однородное целое вокруг одного могучего рода. Панславизм не ставит целью даровать законы Западной Европе, а лишь не принимать от неё никаких законов.

Изучение и преданность великим истинам, раскрытым Фурье², более того, его личным советам, оказали сильное влияние на мое решение. Тот, кто читал его труды, знает, как часто Фурье указывает на Россию и даже на царя как на средство скорейшей реализации теории ассоциации. И поэтому **я отправился в Россию и к царю.**

В тот момент император Николай³ сиял светом самодержавия, зажигая маяк цивилизации. Он провозгласил свое желание развить ее из национального славянского гения. В этот центр сошлись все устремления славян с Эльбы, Дуная, Карпат и Балкан. Как и многие другие, я был ослеплен кажущейся гениальностью этой цели и стал сознательно верить в высокое и провиденциальное призвание царизма. В течение нескольких лет я имел возможность наблюдать за его природой, его действиями и тем, насколько он может выполнить миссию, которую в моем пылком воображении и желаниях я возлагал на эту высшую, эту почти сверхчеловеческую власть. Однако, проникнув глубже не только в природу человека, но и в саму систему, мой энтузиазм начал остывать. Тем не менее, я изо всех сил старался выстоять, надеясь на лучшее. Одна за другой пелена спала с моих глаз, и наконец я с силой разорвал оковы добровольного рабства, вернул себе посох изгнанника, а вместе с ним и свободу.

Едва ли стоит упоминать о потоке оскорблений, обрушившихся на меня со всех сторон. Они никогда не производили на меня впечатления и никогда не смогут произвести. Действуя в соответствии с велениями убеждений, я никогда не колебался, отказываясь от какой-либо идеи или меняя курс, если следование им могло поставить под угрозу внутреннюю гармонию совести. Часто на этом тернистом пути я испытывал печальное удовлетворение от того, что оказывался прав, что события меня оправдывали — несмотря на обвинения и взаимные упреки. Так, за несколько лет до событий 1848 года в одном из своих сочинений я сомневался в возможности легкого объединения Германии; и до настоящего времени события подтверждали мои предчувствия. Восемнадцать лет назад, открыто отделившись от своих бывших соотечественников и сограждан, я в качестве причины приводил полную невозможность восстано-

² Франсуа Мари Шарль Фурье (1772 — 1837) — французский философ, социолог, один из представителей утопического социализма, основатель системы фурьеризма.

³ Николай I (Николай Павлович Романов). Отец — Павел Петрович Гольштейн-Готторп-Романов; мать — София Мария Доротея Августа Луиза Вюртембергская.

ния Польши, особенно при иностранной помощи и вмешательстве. Пока на горизонте нет ни малейшего признака, способного опровергнуть мои утверждения. Ни мои сочинения, ни мои действия не могли способствовать достижению этого результата.

Бесприютный странник по миру, я добрался до Америки. Здесь мои некогда юношеские устремления возродились. Я обрел частичную реализацию того, чего Европа до сих пор тщетно жаждет. С этих берегов я оглянулся на прошлое, на потрясения европейского мира и на судьбы народа, к которому я принадлежал, на судьбы страны, навсегда покинутой мной.

Социальная организация, институты Америки поднимают её на более высокие ступени человечества. Сколько времени пройдёт, прежде чем Европа последует примеру своей младшей сестры? Европе ещё предстоит преодолеть множество кризисов, прежде чем она освободится от ментальных и идолопоклоннических оков, выкованных веками, столь же долгими, как и прошлое всего человечества. В этой борьбе особая группа славянской семьи обязательно должна сыграть свою роль. Настоящая книга призвана показать, как в будущем славяне смогут гармонировать с вечными законами природы и общими судьбами человечества. Все европейские расы и народы, которые на протяжении веков занимали видное место в истории, в кровавых битвах, пытались установить социальную свободу и гармонию. До сих пор их усилия были безуспешны. Возможно, славяне, которые больше всех страдали и страдают, окажут более благоприятное влияние на это великое дело, которое до сих пор в отношении Европы было подобно задаче Тантала.

А. Гуровский (Нью-Йорк, март 1854 года).

ВВЕДЕНИЕ

Судьбы Европы и древнего мира колеблются между свободой и абсолютизмом: и Россия в настоящее время склоняет чашу весов в пользу сторонников прошлого и против апостолов и почитателей политического и социального разложения. В этой борьбе Россия, с одной стороны, давит изо всех сил, обладая самодержавием, возглавляя кардинальный ствол могущественного и многочисленного рода человеческого. Таким образом, в общем ходе событий, которые движут и сотрясают мир, Россия представляет два исторических элемента: власть и расу. Как раса, русский народ обладает своими отличительными характеристиками, преобладающими как в его истории, так и во внутреннем организме; характеристиками, неизвестными, неправильно понятыми или искаженными. Следующие страницы, возможно, помогут пролить свет на вопросы, занимающие передний план на мировой арене.

Эта страна и народ — одновременно и старые, и новые. Старые, потому что, как раса, принадлежат к первым историческим заселениям Европы; и новые, потому что в своем внешнем проявлении как государства Россия появилась недавно, чуть ли не в последнюю очередь в Европе.

Вероятно, русский народ занимал значительную часть территории, где он сейчас проживает, ещё до новейшей истории. Это регион, принадлежащий славянской расе, единственным независимым представителем которой среди других государств и народов является русский. **Историческое происхождение русского народа окутано тайной, нависшей над происхождением всей славянской расы.** Та же тайна окружает колыбель всех аборигенных рас и первобытных народов древнего мира.

Многочисленны и разнообразны гипотезы, выдвигавшиеся и последовательно опровергавшиеся относительно первоначального и примитивного распространения населения по европейскому континенту. Однако в рамках данной работы невозможно систематизировать этнографические, этнологические, легендарные, традиционные и исторические исследования, открытия, свидетельства или предположения, касающиеся первых народов или семей, которые совместно или последовательно кочевали и расселялись во всех направлениях по всей Европе.

Среди них — славяне. Их историческое течение, как и в целом других древних народов, не возникает сразу из какой-то конкретной эпохи или точки, как из чистого листа. Каждый исторический период всегда имеет своего рода эпоним. Он всегда предполагает длительный и затененный промежуток времени, то есть некий существовавший ранее мир, все еще тесно связанный с последующим.

Славянская раса восходит к общему истоку всех исторических народов. Если считать Пятикнижие летописью распространения человеческой семьи по земле, то славяне утверждают, что произошли от Рифаата через Гомера, внука Иафета, подобно тому как кельты произошли от Асканаза («Ascanaz»), германцы — от «Throgomta», а также от двух других потомков Гомера. Звук «р» (Rh), вибрирующий с древнейших времен в регионах, населенных славянами, по-видимому, подтверждает эту библейскую гипотезу.

Так, Ра (Rha) — это название реки Волга, и то же самое звучание встречается в древних названиях гор к северу от Дуная и Дона, например, Каменный пояс⁴, вплоть до горного хребта около Малой Земли. Если Армения была отправной точкой для миграции народов, то те, кто повернул на север или запад, вероятно, первоначально проникли через перевалы Кавказа, откуда и продолжили свои дальнейшие миграции. Этнология прослеживает корни этих регионов: некоторые из их древнейших легенд и мифов, например, легенды Азии, прагерманцев, указывают на восток; а мифы и легенды редко бывают лишены какой-либо основы истины.

⁴ Урал, ранее Рифейские горы, ранее Рымник

Славяне, направляясь в Европу, по-видимому, кочевали к северу и югу от «Euxine» (Черное море), оставляя под различными названиями следы своего пути.

На севере меотические кимвры, на юге эниохы, энеты, называемые древними писателями родом античных, пафлагоны, покорители коней и, по мнению Страбона, заводчики мулов, — некоторые историки считают предками славян. Во всяком случае, в античности упоминаются у Лича и Термодонта названия племен, которые встречаются и среди племен к северу от Дуная, весьма вероятно, ближе к Дону, как упоминал Геродот. Так, например, мириандины, которые, согласно его рассказу, отказались присоединиться к скифам при вторжении Дария, напоминая им, что они, мириандины, не участвовали в скифском вторжении в Мидию и Малую Азию. Согласно сюжету Книги Бытия, славяне, следуя за кельтами и германцами, таким образом, образуют третью по счету среди первобытных семей Северной Европы.

Современные этнологические исследования устанавливают иную родственную связь. Тесная связь славянских языков с зендским и санскритом ставит славянские языки в число видных представителей индоевропейской семьи. В этнологическом плане они стали шестым иммигрантом в Европу, сменив греческий, латинский, кельтский, германский и самогитский или литовский языки. Таким образом, славяне составляли арьергард племен, покидавших индустско-кошский и парапомиский языки и направлявшихся в свои далекие западные дома, где они в конечном итоге распространились гораздо шире, чем любая из предшествовавших иммигрантам рас.

Учёные Денина и Аделунг в некоторой степени предполагают, что, возможно, славяне составляли коренное население Европы от Атлантики до Волги. В самые отдалённые и мрачные времена эти регионы обычно назывались скифскими; — но **скифы**, даже менее малоизвестной эпохи, эпохи Геродота и классической эпохи, по-видимому, **представляли собой** не совершенно отдельную расу или даже племя, а скорее конфедерацию различных жителей севера Европы; возможно, славянского, германского или гетского, готского или даже кельтского происхождения, а также **различных финно-азиатских или чисто азиатских пришельцев**. В более узком смысле то же самое весьма вероятно и в случае с обобщением, называемым писателями последней классической эпохи — например, Птолемеем и другими — сарматской эпохой, которая унаследовала предыдущее обобщение, скифское, в птолемейской географии. Если в мнении Денины есть хоть какая-то доля правдоподобия, то славяне, следовательно, имели бы основания претендовать на прежние владения, будучи впоследствии покорены и подвергнуты наступлению кельтами и германцами, которым они научили использованию плуга, свойственному славянскому народу. Для эниохов, энетов, созвездие Большой Медведицы представляло собой плуг на небе. До сих пор остается неясным и до конца не объясненным исторический факт, что когда история впервые раскрывает славян под этим их особым и родовым названием, как вдоль Дуная, так и за его пределами, как свидетельствует Жорнандес, а затем Прокопий и другие последующие византийские писатели, — вместе с названием «славяне» упоминаются также «анты» и «венеты», как составляющие одно и то же семейство. Но «венеты» и «анты» упоминаются Цезарем более чем за пять веков до этого в Арморике или французской Бретани; и даже в бретонском диалекте встречаются слова и имена славянского значения; и славянское влияние, во всяком случае, очень отчетливо прослеживается до Везера и древней Винделиции.

Какие бы гипотезы ни допускались относительно славянской расы и ее расселения, будь то библейская или индоевропейская теория, несомненно одно: славяне относятся к автохтонным семьям Европы. Также трудно оспорить тот факт, что со времени первого заселения — эпоха, которая ускользает и, вероятно, навсегда останется вне хронологических исследований, — до момента исторического рассвета для славян, они занимали примерно те же регионы, где жили тогда и где живут сейчас. Между Савой, Дравой, Вислой, Дунаем, Эвксиной, северными склонами Валдайских гор и Волгой находится их первобытный и неоспоримый дом. История никогда не сможет прояснить, насколько далеко они распространились до самых дальних пре-

делов Западной Европы, — где, по крайней мере, были поглощены и полностью ассимилированы другими расами. Однако это не относится к их неоспоримому наследию. Там, хотя на протяжении долгих веков их захватывали скифы или азиаты, затем геты, готы, как в эпоху и во время правления Германика, гунны Аттилы, Боян, авары, аланы, затем мадьяры и их родственники — турки, — они оставались там, по-прежнему неуязвимые и пережившие все эти нашествия. Их врожденная природная выносливость помогла им одержать победу вплоть до наших дней, как в Хорватии, Паннонии, Сербии и т. д.

Когда Север и Восток обрушились на древний мир; когда племена и народы волнами продвигались вперед, смещая и сдвигая старые ориентиры — и, возможно, даже за несколько столетий до этой точной эпохи — там, на водоразделах между Везером, Эльбой, Вислой, а также между Дунаем и Савой, шла непрерывная борьба между различными германскими и славянскими народами за обладание этими землями. Какими бы ни были свидетельства, представленные немецкими писателями, вопрос о том, кто из двух народов, с точки зрения приоритета времени, является законным обладателем оспариваемых территорий, всегда будет оставаться спорным. Если же славяне составляли третью библейскую или шестую индоевропейскую миграцию, то, продвигаясь на запад, они неизбежно сталкивались с арьергардом германцев в вышеупомянутом регионе — подобно тому, как германцы наступали на кельтов от Шельды до Швейцарских Альп, — и так начинался конфликт. В один период германцы, в другой — славяне оставались хозяевами этой территории, укрепляя свои позиции в стране, чтобы затем быть вновь захваченными или изгнанными. Таким образом, примерно в эпоху окончательного падения Римской империи спорные регионы в различных частях были заняты готскими и германскими племенами, такими как вандалы, бургиньоны, лангобарды, лигийцы и др., а также некоторыми остатками кельтов, например, боями. За время своего пребывания — длительного на протяжении столетий — на славянской земле некоторые германские племена получили свое название, которое сохранилось до наших дней. **Каким образом, свевы⁵, которые еще до времен Тацита, вероятно, жили по обе стороны Эльбы — и, возможно, доходили до Вислы, — получили свое имя? Название «свев» не имеет корней и не происходит ни от одного немецкого диалекта. По-видимому, оно происходит от славянского слова «svoi», то есть человек, имеющий собственное право, sui juris.**

Другие племена, такие как, например, лиги (нем. Lugiier), были полностью уничтожены в конфликте и очень рано исчезли из истории. Наконец, другие, которые, подобно бургиньонам, долгое время жили на Висле, где сейчас находится Лехия или Польша, — продвигаясь в Галлию или Францию, принесли и ввели туда носовой звук «ен», неизвестный немцам, но характерный для польской ветви славян.

Когда германцы продвинулись в Италию и Галлию, а затем и дальше, после того как власть Аттилы была сломлена, славяне заселили почти опустевшие земли, особенно вдоль берегов Эльбы, а также на юг, в сторону Адриатики. Во времена Карла Великого начался новый конфликт между соседними народами. Он продолжался веками по всей линии фронта с яростью истребления, едва известной в истории, особенно при императорских домах Саксонии и Франконии. На юге, несмотря на то, что примерно в то же время мадьяры, уральский народ, вторглись в славянские страны, опустошив их, а также южную Германию и даже Францию, их наследственная стойкость позволила им лучше противостоять этому завоеванию. Летописцы того времени сохранили записи о необузданной свирепости и жестокости этих азиатских захватчиков, которые в конце концов обосновались в Паннонии⁶, на месте нескольких

⁵ Свевы (лат. Suevoi, Suebi, Suavi) — собирательное название древнегерманских племён, которые занимали территорию в Европе в I веке до нашей эры — II веке нашей эры.

⁶ Паннония (лат. Pannonia) — римская провинция в центральной Европе. Занимала территории современных Венгрии, восточной Австрии, юго-западной Словакии, северной Словении, северной Хорватии, северо-восточной Сербии, северной Боснии

покоренных славянских племен. Даже в наши дни от Богемии до Каттаро тянется непрерывная цепь славянских народов. На севере затяжная борьба частично завершилась истреблением славян, частично их германизацией на берегах Балтийского моря, за Эльбой и Одером, до берегов реки Варта. Более того, можно сказать, что борьба никогда не прерывалась. Протестантизм внёс огромный вклад в денационализацию славян в этих регионах, и борьба продолжается до сих пор, например, у подножия Судетских гор в Силезии, в герцогстве Позен, на Висле в земле кашубов. Но теперь она приобрела более гуманное проявление; остатки славянской расы действительно отступают и исчезают перед превосходством культуры, привнесённой немцами, вместе с их господствующей и преобладающей политической национальностью. Жители нынешнего королевства Саксония, вплоть до Лаймбурга и даже за его пределами, когда-то были славянами. **Почти все названия деревень имеют славянские корни или окончания; названия усадеб (бургов, замков), где жили завоеватели, имеют греческое происхождение.**

Все писатели и летописцы средневековой эпохи, начиная с готского епископа Жорнандеса, говорят о славянском народе как о непрерывно занимавшем огромные территории Европы. Перечислить бесчисленное количество цитат было бы сложно. Роджер Бэкон, этот гигант интеллекта и науки той эпохи, говорит о славянах, русских, московитах, простирающихся по «необъятным просторам» на юг и восток; и, более того, что на славянском языке тогда говорила большая часть населения Европы.

В ранний период средневековья славяне, вероятно, те, что находились к югу от Дуная, затопили Грецию и полуостров Морею, дав им название от *Morē* (sea). **Окончания многих мест, гор и рек в древнем Пелопоннесе до сих пор имеют славянское происхождение.** Недавние исследования учёного Фаллмерайера доказывают это вне всякого сомнения.

Как уже упоминалось, славянская раса с самого начала истории упоминается как состоящая из трех основных ветвей: венетов или вендов, антов и славян. Ветвь венетов проникла дальше всего на запад Европы, и именно её судьба в основном описана в вышеприведенных строках. Некоторые славянские историки или исследователи утверждают, что эти венеты происходят от ветви, которая в основном кочевала с Кавказа в Европу к югу от Эвксинской реки. Таким образом, эниохи, энеты, пафлагоны Азии, древние венеты Италии, венды, венеты, винули, лины, гениды, гвиньяды, жители окрестностей Судетских гор и западной части Крапакских гор, Эльбы, берегов Балтийского моря до Вислы — это одна и та же семья.

Несомненно, что эниохи, или энеты Азии, исчезли оттуда ещё до начала истории и упоминаются лишь «*pro temotia*» в самых ранних записях. Венеты Италии, упомянутые Катонем, Ливием и др. как «*gens antiquissima*», являются потомками эниохов и, в свою очередь, протопластами или братьями северных вендов. Каково бы ни было происхождение славянских вендов, большая и непростительная путаница, допущенная главным образом некоторыми недавними английскими этнографами и этнологами, — это ошибочное принятие их за вандалов, вандалов — столь ужасно известных в связи с разрушением Римской империи. Эти вандалы имели греческое или готское происхождение, и путаница возникает из-за того, что они впервые появились, некоторое время проживая на Висле, и постоянно продвигались через славянские регионы на юг Европы. Но вандалы, прежде чем достичь Италии, уже были христианами и арианами. Таким образом, их различие в вероисповедании с тринитариями или католиками было главной причиной зверств, которые им приписывали; их жестокость проявлялась главным образом в разрушении католических церквей, прежде всего в Африке. В то время вендены, как и все славяне, оставались язычниками, поклонялись природе, посвятив рощи и леса, источники и ручьи. Их мифология была воплощением стихий природы, и среди славян нет следов человеческих или животных жертвоприношений.

Народ ант, живший во времена Йорнанда, Прокопия и других вдоль Дуная, занимал ту же территорию, что и сейчас. Вероятно, их ареал простирался на север до Днестра и Днепра, где они смешивались с ветвями третьего основного рода или собственно славянами.

Везде, где в истории встречаются или обнаруживаются славянские семьи, они неизменно предстают как постоянно проживающие на одном месте земледельцы, живущие в деревнях и образующие таким образом общины. Весьма вероятно, что «скифы-земледельцы» вдоль Днепра, упомянутые Геродотом в противовес кочевым скифам, были славянскими племенами скифского союза. Если в истории и существует какая-либо скифская семья, то она должна быть родом из Урала. Ни эта семья, ни какие-либо её ветви, по-видимому, изначально не были связаны с земледелием. Ни гунны, ни аланы, ни татары, ни туркмены, ни калмыки, ни венгры.

Император Маврикий в конце VI века описывает славян как преимущественно земледельцев. **Немецкие писатели признают, что славяне обучили германцев земледелию и садоводству. Во всяком случае, название плуга (Pflug на немецком языке — настоящее славянское название) имеет чисто славянское происхождение.** Характеристики двух народов, упомянутые различными историками, подтверждают вышеприведенный вывод в пользу славян. Первобытные германцы редко обрабатывали землю, чаще всего это были кочевые и хищные племена. Цезарь, и прежде всего Тацит, описывает их именно так: «Их не так легко склонить к обработке земли или ожиданию жатвы, чтобы броситься в гущу врагов и ран. Они считают низменным стремиться трудом к тому, чего можно добиться кровопролитием и т. д.». Однако совершенно противоположными являются черты славян, которых часто захватывали и поработали, но которые никогда, или по крайней мере очень редко, не становились захватчиками. Когда они захватили Грецию, византийские императоры направили их туда. Славяне, по-видимому, также были крупными торговцами и перевозчиками товаров в очень отдаленные времена, от Балтийского моря и севера до Адриатического и Черного морей. Торговле посвящают себя скорее оседлые, чем кочевые народы. Торговец, странствующий в далекие, иногда неизвестные страны, не берет с собой жену и семью и не может оставить их в состоянии неуверенности. Таким образом, наличие постоянных поселений и организованного общества следует считать необходимым условием для существования торгового населения, и даже как фактора, порождающего его. Таковыми, следовательно, были славяне. Торговля янтарем и другими товарами севера Италии осуществлялась венецианцами (венденцами). В этих регионах упоминаются многочисленные города, существовавшие в то время, когда у немцев не существовало ничего подобного автохтонному основанию. Так, например, город Винета на западе острова Узедом в **Померании**, стране, полностью германизированной, но название которой до сих пор указывает на славянское происхождение, происходящее от слова «**Поморю**», означающего «на берегу моря».

Город Винета описывается как город с мощными улицами, храмами с медными дверями и воротами, а также как центр балтийской торговли. В ту очень далекую эпоху, в регионе, столь удаленном от центра цивилизации, расположенного тогда вокруг Средиземноморья, города не могли возникать словно по волшебству, но долгие годы, если не столетия, медленно возрождались и наполнялись промышленностью и богатством. Среди всей славянской семьи только русский народ наиболее ярко сохранил эту характерную черту до наших дней, оставаясь одним из лучших торговцев Европы.

В то время как венецианцы находились на западе, славянские племена — на северо-востоке Европы; в ранний период они были спокойными земледельцами. Необходимость обеспечения средств к существованию в этом суровом климате еще более убедительно подтверждала это. В целом, выдающаяся выносливость славян, их сопротивление и окончательная победа над различными завоеваниями и подчинением другим племенам и народам на протяжении, возможно, тридцати веков, в основном объясняются тем фактом, что захватчики, в основном азиатского происхождения и ведущие кочевой образ жизни, обнаружили довольно

оседлый народ, который нельзя было ни изгнать, ни уничтожить, ни ассимилировать из-за его тесной связи с землей. На Западе германизация происходит главным образом посредством экспроприации.

Север или северо-восток Европы, где сейчас находится собственно Россия, в давние времена был заселен той ветвью рода, которая, по всей вероятности, дала название «славяне» всему роду. Филологи выводят это название от слова «слово» (глагол) или «слава» (слава). Отбросив эти рассуждения о происхождении названия, достаточно отметить, что его происхождение и существование в этих регионах неоспоримо. По всей вероятности, ветвь рода, несущая глагол, «слово», переселившаяся с Кавказа к северу от Терека, Черного моря, овладела землей: от устья между Днестром и Волгой до общего истока обеих этих рек на высотах Валдая⁷, называемых также Волконским лесом, или лесом волка и лошади (Волк — волк, Кон — лошадь). На этих высотах, вокруг озер Ильмена, Старой Русы, Пейпа и других, у берегов реки Волчевы, это племя, по-видимому, обосновалось как его главное поселение. Тихий, гостеприимный народ, вероятно, гиперборейцы классического мира, как древние аримаспы, аримфои Плиния, Павсания, Аммиан Марцеллин и др. Там на заре средневековой эпохи возникли богатые, многолюдные и могущественные республики и торговые города, такие как Новгород и Псков. Там же, в славянских источниках, есть места, называемые Славянскими Ключами. Название Новгород, сколь бы древним оно ни было, предполагает существование другого города, еще более древнего, — Новгород означает «новый город». **Легенда, приписывающая основание Новгорода недовольным амазонкам**, подтверждает это предположение. **Новгород был самым процветающим городом в Северной Европе, когда тьма окутывала остальную его часть. В Новгород датские князья отправлялись родителями для получения образования и поиска жен.** Торговля там процветала с древнейших времен. Это был главный транспортный путь между Севером и Азией.

Все эти регионы составляли колыбель современной Российской империи. С этих республик начинается история России. Главным фактом этой исторической эпохи является установление норманнов и расширение их власти в течение примерно полувека, от Новгорода вдоль Двины и Днестра до Киева, где была основана столица, а вскоре после этого до устья Борисфена в Черное море. Установление норманнов в Новгороде и Пскове не было завоеванием. Рюрик и его последователи были мирно призваны новгородцами, которые ссорились между собой скорее из-за необходимости управлять ими, чем править ими. В старой республиканской организации ничего не изменилось. Последователи Рюрика были немногочисленны и не могли — как утверждают некоторые историки — оказать сильное влияние, изменить характер и физиологические особенности коренных жителей. Этот скандинавский приток был поверхностным, но ни кровь, ни обычаи, ни нравы, ни язык не были им затронуты. Северяне не смешивались с обычным населением, и их потомками являются только князья, и некоторые другие знатные семьи России. С внуком Рюрика северные черты полностью исчезают, поглощаясь славянской реальностью. Имена великих князей стали славянскими, и внук Рюрика должен был быть представлен своим дядей боярам и жителям Киева на городской площади, чтобы быть признанным их общим согласием в качестве верховного правителя. Древнейший славянский и русский эпос, называемый «Song of the Band of Igor» «Песнь о полку Игореве»⁸, описывающий подвиги этого последователя и преемника Рюрика, является чисто славянским как по языку, так и по форме.

Киев стал центром новой, растущей империи, Новгород и Псков оставались республиками на протяжении нескольких столетий, вплоть до конца XV века. В X и XI веках Киев был самым великолепным и роскошным городом к северу от Альп. Он был своего рода Капуей для

⁷ Алаунские горы. Как многие другие значимые горы начинаются на «АЛ»

⁸ Читать толкование и перевод в «Аз и Я» О. Сулейменов

поляков, пришедших туда как завоеватели. Монахи и архитекторы той эпохи строили церкви, подражая Софийской церкви, и другие сооружения. **Генрих I Французский женился на Елене, русской княгине, и таким образом, в эту далёкую эпоху Капетинги стали связаны с великими князьями.** Их завоевания простирались от Киевского царства; были покорены и ближние и дальние племена, такие как, например, половцы, печенеги, онгры (ветвь мадьяр) и др. От Двины до Киевского царства, а также далеко на восток, во внутренние районы, со временем достигавшие самой Москвы, были основаны небольшие княжества для потомков правящих великих князей, и таким образом возникло то разделение, которое впоследствии оказалось столь губительным, способствуя завоеванию татарами. Владение и разделение простирались на запад до Карпат, и нынешняя Галиция составляла одно из таких подразделений. Из Киевского царства в тот далекий период совершались вторжения, нападения и штурмы Греческой империи и Византии.

Поскольку Новгородская и Псковская республики дали начало империи, очевидно, что свобода и коммуна предшествовали монархической власти, то есть самодержавию, политическому или социальному порабощению. Свобода и своего рода самоуправление, как в России, так и в других славянских регионах, были источником общественного порядка. Самые отдаленные предания богемцев, поляков и русских, а также политические обычаи южных славян, сохранившиеся до наших дней, никогда не указывают на наследственную власть, на абсолютных правителей, на касты и дворянство. Повсюду вожди избирались из народа и народом, независимо от их происхождения, образа жизни или рода занятий. Так, легенды и предания показывают пахаря, возведенного в высшее достоинство среди чехов; в Польше, в Пясте, был выбран колесник, и от него произошла длинная династия королей, династия, однако, прервавшаяся по мужской линии в XIV веке и по женской в XVI веке. В Богемии, как и в Польше, традиция упоминает лешко, самоса, купца и ювелира, избранных вождями. У всего славянского народа короли, князья и знать являются творениями вторичной эпохи и могут быть прослежены хронологически. От старейшин в общине произошли дворяне; они и князья впервые появляются во внутренних или внешних смутах и войнах. Но всё же древние свободы и свободные выборы так или иначе сохранялись. Так, казаки, подлинно славянский народ, продолжали избирать своих военачальников и вождей вплоть до настоящего столетия. Гуситы Богемии распространили идею частичной религиозной свободы — заимствованную в Прагу из Англии или Савойи — в борьбе за социальную и политическую эмансипацию, и таким образом они были предшественниками пуритан и, по крайней мере, политически столь же радикальными, как и другие. Жан Рокицанский, один из гуситских вождей, издал из Пражского замка политическую «великую хартию», основной целью которой была отмена монархии и семейных привилегий. Польская знать, даже после того, как в очень ранний период поглотила всю политическую жизнь и власть, принадлежавшие народу и нации, — со временем поработив крестьянство и уничтожив привилегии горожан, — тем не менее, как политическое образование, оставалась верной традициям свободы и цивилизованности. Государство всегда называлось республикой, и все дворяне были абсолютно равны. Титулы и все подобные отличия появились сравнительно недавно и были привнесены извне. Монашеская власть, в принципе, была выборным достоинством, даже во времена наследственных родов Пястов и Ягеллонов; и каждый дворянин, богатейший или беднейший, мог претендовать на неё.

Прославленное «право вето» (*liberum veto*), дававшее каждому дворянину, или, по крайней мере, любому члену сейма, право приостанавливать и аннулировать все акты сессии одним словом «я не разрешаю», рассматривалось знатью или политическим сообществом как уникальное и особое кардинальное право (*uniaini et specialissimum jus cardinale*). Каковы бы ни были достоинства такого обычая, и не отрицая его пагубного и губительного влияния на судьбу

Польши, он остается историческим свидетельством того, как представление о политическом равенстве достигло пределов организованного сообщества.

В наследственных владениях, основанных великими князьями Киевскими, политическая свобода очень скоро угасла. Однако она никогда не исчезала из народа как нормальная общинная организация, даже когда люди оказались полностью поработаны. С течением веков на руинах древней свободы была создана и укрепилась огромная монархия — высеченная средствами и путями, характерными для подобных исторических образований. **Русская история — это ужасная история крови и почти сверхчеловеческих трудов и тягот. Во всех битвах, в самых страшных национальных катаклизмах, которые пережила Россия, она всегда опиралась на собственные силы; и выбиралась из нескольких пропастей, не получая помощи ни от одного государства или нации.** Изолированная и окруженная со всех сторон врагами, она полагалась исключительно на себя. Так, спустя более чем 250 лет, она одолела татарское господство. И когда к концу XV века Иван Василевич Великий наконец освободил свою страну, только Англия и другие европейские государства первыми поздравили его и попросили о союзе. Точно так же никто не помог русской нации отвоевать независимость в начале XVII века.

Есть одна особенность, в которой рост и расширение России отличаются от роста и расширения почти всех других европейских государств. Она распространилась главным образом на исконные территории, завоевывая и устанавливая свою власть над родственными народами и ветвями, происходящими от того же рода. Она никогда не подражала готам в поработании иберов, или лангобардам в завоевании итальянцев, или франкам в покорении галлов, готов, бретонцев и т. д.; или саксам, датчанам, норуйцам в навязывании себя как первобытным бриттам, так и друг другу; ни результату этого объединения, англичанам, в завоевании гэлов-шотландцев и кельто-ирландцев. Российские завоевания над иностранными народами сравнительно немногочисленны по сравнению с общим числом; сами по себе они незначительны и ограничиваются окраинами великого славянского царства. Прибалтийские провинции, представляющие собой смесь остатков финнов и небольшого числа немецких завоевателей, никогда по-настоящему не обладали и не могли претендовать на независимое существование. Двумя реальными иностранными завоеваниями являются Финляндия, Кавказский и Закавказский регионы. Длительная борьба с горцами Кавказа, которых обычно называют черкесами, сама по себе не может считаться ни справедливой, ни несправедливой.

Это была жестокая необходимость, осуждаемая по всей империи, в Санкт-Петербурге, а также всеми яркими черкесофилами. Ее происхождение можно проследить до X века, когда Святослав, один из великих князей Киевских, захватил древнее царство Босфора. В XVI веке Иван Василевич, великий князь Московский, положив конец татарскому господству над Россией, вторгся в восточный регион Кавказа, создав военные посты вдоль всего Каспийского моря. В 1594 году Александр, царь Грузии, признал верховенство московских суверенов, чтобы найти у них защиту от нашествий татар и монголов. В конце XVIII века Ираклий, царь Грузии, находясь под угрозой со стороны турок и персов, подписал договор, согласно которому каждый правитель этой страны должен был стать вассалом русских царей. Наконец, в 1800 году вдова Ираклия уступила им все свои права и земли, и указом, изданным Павлом, Грузия вошла в состав Российской империи. Между ними расположены Кавказские горы, и, следовательно, горцы постоянно прерывают сообщение между Россией и Грузией. Это всё равно, как если бы индейцы сосредоточились вдоль Скалистых гор и оттуда вторглись, распространив свои грабежи на Калифорнию, Орегон и западные штаты. Сейчас это выглядит как война на истребление, окончательный исход которой трудно предсказать.

Таким образом, если какая-либо нация и была возвращена и обременена войнами, то это была Россия, причем некоторые войны даже угрожали разрушением ее национальной независимости. Ее первые шаги были медленными и трудными, в эпоху, когда вся Европа, а также ее соседи, были могущественными, организованными государствами, которые в дни ее слабости и упадка отняли и присвоили себе значительные части ее наследия. Но чем ближе Россия приближалась к часу своего политического расцвета, тем быстрее ускорялся ее прогресс. Сейчас она, действительно, более прочно скреплена и более сплочена, чем утверждают или признают многие политики и писатели.

По данным первой переписи населения, проведенной Петром Великим в первой половине его правления, население России составляло более девяти миллионов человек. Население Польши в то время насчитывало около четырнадцати миллионов. Швеция, вместе со своими владениями на южном побережье Балтийского моря, такими как Померания, часть Ливонии и Эстония, насчитывала около шести миллионов человек; на юге татары владели Казанью, Азовом, Крымом и, будучи тогда вассалами султана, вместе со всей Османской империей составляли массу, превосходящую по численности русских как минимум в три раза. И теперь Швеция ослаблена, Польши больше нет, и над Турцией гремит похоронный звон. В результате беспрецедентного в истории поворота событий Россия не только отвоевала у своих соседей свои древние владения, утраченные столетиями, но и последовательно захватывала их одно за другим. Борьба с Польшей длилась почти столько же столетий, сколько длится их политическое существование. В X и XI веках поляки завоевали Киев, тогдашнюю столицу империи. В период татарского владычества литовцы завоевали несколько княжеств к западу и югу от русских и татар; а когда Литва объединилась с Польшей в XIV и XV веках, Киев и южная Россия стали польскими зависимыми территориями. В начале XVII века поляки вошли в Москву, дважды установив кратковременное господство над всей империей. Русские цари, Шуйские, умерли в польской крепости, а основатель нынешней императорской династии, Федор Романов, несколько лет провел в плену в Варшаве. Но затем в том же столетии колесо фортуны повернулось очень странным образом. Собеский подписал первый договор, согласно которому Польша начала уступать России и отказываться от целых территорий. Киев был потерян. Затем Россия воспользовалась внутренними разногласиями, разорвав старую Польскую Республику. Безграничная гордость некоторых видных польских семей привела к появлению в Польше российского влияния и русских армий. Религиозная нетерпимость, преследование протестантов (называемых диссидентами), а также схизматиков или членов Восточной церкви полностью ослабили Польшу, и поэтому Россия стала хозяйкой обширных регионов.

Польская знать, как исключительно правящая структура, никогда не руководствовалась прозорливостью и государственными замыслами. В этом она полностью отличалась от венецианской или английской аристократии. Немногие из польских королей были настоящими государственными деятелями, и их усилия и цели в основном были парализованы непокорностью знати. Так, в XIV веке Казимир Великий, прозванный «королем крестьян», тщетно пытался предотвратить окончательное порабощение крестьянства алчными дворянами. В XV веке Казимир Ягеллон, которого немецкие и итальянские писатели той эпохи называли величайшим правителем и государственным деятелем своего времени, постоянно боролся со своими подданными за власть и влияние. То же самое происходило со Стефаном Батори и с Владиславом IV из дома Васа, последним государственным деятелем на польском престоле. Безрассудный, неуправляемый и политически эгоистичный дух дворянства разрушил Польшу безвозвратно и привел к ее гибели. Во всех остальных отношениях она была безмерно храбра и рыцарственна, щедра и чиста, как и любой другой народ, в своих нравах, обычаях и семейной жизни. Польское дворянство с самого момента своего политического существования предстает как наиболее ревностно оберегающее привилегии касты, разрушая политическую жизнь во

всех остальных ее аспектах. нации. Поработив крестьян, они лишили и горожан политического права голоса. В XVI веке городские депутаты были окончательно и навсегда исключены из собраний национального сейма. Постепенно города пришли в упадок; с потерей свободы жизнь покинула их; заброшенные правящей знатью, польские горожане становились все беднее и беднее, торговля и промышленность уходили из их рук. Начали прибывать иностранные колонисты, главным образом немцы. Таким образом, некогда подлинные польские города стали переполнены иностранцами и евреями, торговля и промышленность, даже самые незначительные, исчезали в руках чужеземцев. Таким образом, даже сейчас все ремесленники, будь то сапожники, кузнецы, плотники, каменщики и т. д., по-прежнему немцы. Горожане не могли владеть земельными владениями и не могли быть приняты на государственную службу; в церковной иерархии они едва поднимались выше должности священника. Евреи играли роль торговцев и посредников, дворянство продавало иностранным экспортерам зерно и другую сельскохозяйственную продукцию, получая взамен предметы первой необходимости для роскошной жизни и не заботясь о создании какой-либо промышленной продукции внутри страны. Таким образом, в Польше исчез национальный средний класс, и всякая индивидуальность была уничтожена в горожанах и крестьянах. Крестьянин превратился в бедного, пахущего землю, тяжело угнетенного крепостного, веками поработанного дворянином и его правой рукой, евреем. Лишенный всякого человеческого достоинства, польский крестьянин, несмотря на свое униженное положение, никогда не утратил своих благородных качеств. Он добр, добродушен, доверчив даже за гранью разумной осторожности, весел, терпелив к жестокому обращению и никогда не мстителен. Изначально обладая способностями, которые, однако, ослабли и даже частично притупились из-за длительного угнетения и абсолютного пренебрежения, в котором он был насильно удерживаем на протяжении веков, он трудолюбив и усерден, но едва ли способен оправиться от безжизненности, длившейся бесчисленные поколения. И таким образом в Польше, как среди горожан, так и среди крестьян, составляющих большую часть населения, отсутствует тот активный интеллектуальный класс, из которого происходят ремесленники и т. д., на плечи которых возлагается благополучие и прогрессивное развитие нации. Одним словом: в Польше больше не существует народа в высшем социальном и философском смысле этого слова. Такой народ нельзя создать сразу, схемами или абстрактными теориями. Даже в общенациональной войне 1831 года против русских дворянство не понимало, как проявить величие в своих жертвах и восстановить в обществе патриотическое крестьянство.

В первые годы своего существования Россия была защищена от любого иностранного влияния в той степени, в какой оно имело место в Польше и почти во всех других славянских регионах. Несмотря на социальное угнетение, интеллектуальная деятельность, словно чудом, сохранилась во всей своей силе среди её народа, интенсивнее, чем в любой другой славянской ветви, и сопротивлялась, как будет показано далее, аномальному смертоносному действию деспотизма и кастовой системы, подавлявших все умственные и интеллектуальные способности. И в этом умственном, а также географическом развитии Россия снова была предоставлена своим собственным силам и своей собственной мощи. Каков бы ни был характер её формирования, он несёт на себе особенно отчётливый след. На протяжении веков она была отрезана от любых контактов с Западом, а её ранние связи с Византией вскоре были разорваны татарским завоеванием и падением Восточной Римской империи. Несмотря на то, что славяне никоим образом не участвовали в свержении Римской империи и не восстали из её руин, многие ветви их рода, такие как поляки, чехи или богемцы, и другие, простирающиеся на юг, на ранней стадии своего развития, под влиянием западных и римских идей, сформировали свои религиозные обычаи и законы. В результате контактов с Германией тевтонские законы, такие как саксонские, магдебургские и другие, проникли вместе с общим правом всей Европы, в великое гражданское право. Но Россия оставалась вне их досягаемости. В X веке Владимир Великий опубликовал книгу законов под названием «Правда Русская», сборник национальных правовых обычаев и

традиций, и это в эпоху, когда изучение гражданского права ещё нигде не считалось само собой разумеющимся. Свод законов, изданный при нынешнем правлении и известный под названием «Свод законов», представляет собой свод прецедентных указов или декретов, большинство из которых основаны на древних национальных идеях, принятых сменяющимися царями в соответствии с потребностями времени, а также на внутренней, социальной или государственной организации и их развитии.

В качестве любопытного свидетельства можно привести тот факт, что даже деспотизм никогда не вводил карательных штрафов, поскольку никакие римские правовые нормы не проникли в Россию. В собственно России политический преступник, будучи осужденным, лишается всего своего имущества; однако конфискует его не правительство, а законные наследники. Таким образом, состояние никогда не уходит из собственности семьи. Конфискация существует только в Польше, где российское право еще не действует.

Внешние действия России несут в себе нечто фатальное и неизбежное. Ее стремительное расширение, кажется, продиктовано предопределенным законом, — кажется, является следствием более таинственного значения, чем может объяснить разум того времени. Царизм или деспотизм являются главными движущими силами России. Насколько оно теперь национально, но не является ни врожденным, ни нерушимым, и, следовательно, в конечном итоге лишь преходящей социальной и государственной целесообразностью, будет показано на последующих страницах. Его действия, как правило, гармонируют с подлинным национальным характером, который часто смягчает суровость деспотического правления. Таким образом, ни славяне в целом, ни русские не пытаются насильственно подавлять и преобразовывать покоренных. Русский, подобно французу или другому жителю юга, поглощает других путем слияния, оставляя поработенных надолго в наслаждении с их самобытными социальными особенностями. Таким образом, русский народ не испытывает ни враждебных чувств, ни стремления к собственности и истреблению латышей, финнов, башки, калмыков, татар и т. д., но, покорив их, позволяет им мирно жить на своей территории. Остаются только небольшие финно-уральские племена, до сих пор ведущие спокойную жизнь, окруженные со всех сторон завоевавшей их расой. Россия оставляет в мире остатки сломленного народа. Однако, ради так называемых государственных нужд и в раздражении, правительство иногда действует вопреки преобладающим национальным чувствам.

Каждая из первобытных рас, которым было суждено заселить Европу, принесла с собой особый и самобытный язык. Так было и со славянами. Одним из самых живых, непоколебимых свидетельств существования расы, народа является их язык со всеми его особенностями. Это величайшее и высшее историческое доказательство — это полное дыхание человеческой души, более правдивое, чем свидетельство камня и кладки. Славянский язык имеет те же самые неоспоримые претензии на абсолютную оригинальность, что и любой другой язык, использовавшийся в Европе любой из великих исторических рас. По своей сути он полностью независим от любой из них. Первобытный славянский диалект прошел тот же процесс подразделения и развития, что и все другие диалекты, природа и историческое совершенство которых уже выяснены научными исследованиями. Подобно тому, как ствол могучего дерева разветвляется на ветви и побеги, так и первоначальный язык расы расщепляется на диалекты и идиомы. А отрубленная и пересаженная ветвь становится деревом, и таким образом, уходя глубоко в прошлое, нынешние первоначальные языки представляют собой диалекты, отделившиеся от примитивного языка. Для индоевропейских народов этим языком является санскрит и Zendский язык. Идиомы подобны побегам; и идиомы, и диалекты находятся в таком же отношении друг к другу, как могучие и более мелкие расы и семьи.

Было бы неуместно включаться в филологическую и этнологическую диссертацию, чтобы установить, какой из многочисленных славянских диалектов может претендовать на законное

предпочтение и право считаться некогда основным стволом этой разрозненной, но обширной семьи. **Около восьми веков назад польский диалект, например, больше напоминал, чем сейчас, древнеславянский, а значит, и русский. Это доказывает, что русский язык остался более верным своему истоку. Во всяком случае, русский язык в настоящее время является самым могучим деревом, не только физически и географически, но даже по духу первоначального языка. Только русский язык, рассматриваемый как язык или как диалект, является общим ключом к пониманию других идиом, составляющих славянскую группу.** Таким образом, русский, силой своего родного языка, без помощи каких-либо исследований, может сразу понять почти все идиомы, на которых говорят в его стране: на Висле, Эльбе, вплоть до Адриатики и Румелии, и быть понятым где угодно. Эта особая характеристика русского языка по отношению к другим его родственным языкам уже была отмечена Аделунгом и может снова и снова подтверждаться повседневным опытом.

Практически каждый язык был развит, усовершенствован и отточен поэтами, литераторами, людьми искусства и т. д., то есть сверху, из более высокого социального и интеллектуального слоя, и, следовательно, почти в каждой стране язык, на котором говорят массы, народ в целом, в той или иной степени отличается от письменного. Однако в России это не так, как будет объяснено далее, когда речь пойдет о характеристиках подлинного народа. Правда, поэт Ломоносов, живший примерно в первой половине прошлого века, придал языку более точную форму, но чистое произношение и ударение исходят из уст народа и оттуда распространяются на книги и литературу.

С какой бы стороны ни рассматривалась славянская семья: географически и статистически, политически и социально, с учетом языковых способностей и вплоть до интеллектуальных — **Россия и русский народ в настоящее время и в будущем являются прародителями всей славянской расы; и до настоящего времени расы формировали судьбы мира, и прежде всего, древнего мира. Россия, во всяком случае, представляет собой огромную массу. Теперь перейдем к исследованию ее внутренней структуры.**

ГЛАВА I. ЦАРИЗМ И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Существуют различные глубокие или поверхностные причины, по которым власть и могущество царя России со всеми его критериями единства, деспотизма, самодержавия и, очень часто, кровавой, безжалостной тирании прочно и, казалось бы, нерушимо укоренились в самых ярких чувствах русского народа всех классов и оттенков.

Для решения вопроса о том, как и почему царизм стал почти главным элементом национальной жизни и развития, следует обратиться не к абстрактным теоремам в извилинах мозга, а просто к истории. Именно там мы увидим благодаря чему эта форма абсолютной монархии достигла такого величия и стала, так сказать, религиозным кредо народа.

Этот институт, или форма монархии, которую мы называем царизмом, возникла в своем нынешнем виде или, по крайней мере, начала формироваться **в России в эпоху татарского господства.**

Этот институт, или форма монархии, которую мы называем царизмом, возникла в своем нынешнем виде или, по крайней мере, начала формироваться в России в эпоху татарского господства и агрессии. До этой эпохи, примерно с IX или X века, от Днестра (Бористен), Днестра, Карпатских гор, где сейчас простирается Галлиция, до Двины и Волги, Россией правило множество принцев (князей), одни слабые, другие более могущественные, которые в определенной степени были независимы, но все признавали верховенство своего верховного сюзерена, великого князя князей (Grand Duke of Kieff), называемого Великим князем.

Эти княжества были просто результатом последовательного раздела общего наследства между потомками Рюрика Норманна и его брата, и таким образом все они были связаны по родству.

Даже две древнейшие республики со времен нашей эры — Новгородская Великая и Псковская — исторические проявления первой из которых отчетливо прослеживаются уже в IV веке. Обе они процветали благодаря свободным институтам и обширной торговле, в то время как **Германия и северо-запад Европы пребывали еще в полной тьме.**

Разделение страны на всё более мелкие княжества постоянно усиливалось, и между ними часто случались кровопролитные семейные распри. Это облегчило завоевание страны татарами в XIII веке. Сопrotивляться им не удавалось. Не было у русских князей ни сплоченности, ни повиновения, а значит, и единства действий. Соответственно, татары покорили всех и установили своё господство. Мы не будем здесь описывать все перипетии судьбы, которые пережило Великое княжество и титул Великого князя. Этот титул переходил из одной династии в другую, менял поместья, скитался из Киева во многие другие места, такие как Владимир и другие, пока в последние годы XIII века наконец не обрёл пристанище в Москве.

Татарское правление несколько не изменило внутреннюю организацию России. Татарские вожди или ханы совершенно не вмешивались во внутреннее управление. Татары не расселились по стране и не поселились ни в одном месте во внутренних районах, ни в деревнях, ни в городах. Две расы никогда не вступали в мирный контакт. Они не вступали в браки и не смешивались, будучи фактически разделены огромными расстояниями и широкими бесплодными равнинами.

Но если бы они и были объединены, то бдительность Восточной, или Греко-Русской Церкви, — сильное, живое религиозное чувство в лоне всех слоев населения, ненависть завоевателя и его мусульманского вероисповедания — все эти насильственные элементы были бы достаточны, чтобы предотвратить любое важное объединение двух рас. Род, которому перешло достоинство великих князей в Москве и верховенство над империей, с самого начала своего могущества проявил себя как вдохновленный и движимый государственным замыслом.

Это достигалось благодаря непрерывной работе, от отца к сыну, по формированию единства Империи, концентрации всех её сил и ресурсов в одних руках как орудия свержения ненавистного татарского господства. Только через великих князей татарские ханы поддерживали связь с Империей. Ежегодная дань, подлежащая уплате со всего государства, собиралась великими князьями, и только они несли за неё ответственность.

Каждый, кто восходил на великокняжеский трон, был обязан получить подтверждение от хана и посетить его в его резиденции в Орде. Татарские вожди оставили великим князьям бесконтрольное управление всеми внутренними делами. Последние пользовались этим почти два столетия, чтобы поглотить и уничтожить всех мелких князей, разбросанных по Империи. Широко применялись сила и хитрость, работа была ужасной и кровавой; но она увенчалась успехом, и результатом стало единство Империи под одной верховной деспотической властью.

Некоторые из этих династий были полностью истреблены, однако большая часть была насильственно низвергнута и вынуждена отказаться от своего суверенитета. Тем не менее, они сохранили крупные частные имения в качестве компенсации и титул князя, обосновавшись в Москве под взором монарха.

Таково происхождение бесчисленного множества князей, которых до сих пор можно встретить в России.

Во многих отношениях татарское господство материально помогало великим князьям в их начинании и, таким образом, способствовало накоплению ресурсов для собственного уничтожения. Наконец, почувствовав свою силу, великие князья Московские направили все свои силы и мощь против татар. Эта борьба за независимость длилась около тридцати лет. Москва и Россия купили свое освобождение потоками крови. Финальная битва, называемая битвой гигантов, длившаяся три дня на Куликовом плато, увенчала эти усилия полной победой.

В этой борьбе религиозные чувства нации достигли наивысшей степени возвышенности. Крест сражался с великими князьями против полумесяца. Это была священная война. Великий князь, верховная власть, деспотическое единство, был духом этой борьбы. Он был освящен Церковью, и в этот знаменательный момент зародилось отождествление верховного политического главы нации с ее религиозным культом и чувствами.

Татарская власть была сокрушена. Его разрушитель — великий князь, деспот, олицетворение самодержавия, царь, как он теперь начал себя называть, — правил железной рукой. Но поскольку честь и национальность были восстановлены, благодарный народ довольно терпеливо поддерживал кровавый удар, который время от времени обрушивался на них. Не прошло и столетия, как национальность русских, их религия, вся их национальная жизнь и независимость снова оказались на краю пропасти и были на грани полного уничтожения, разрушения и изменения в результате иностранного завоевания, чему способствовали ожесточенные внутренние разногласия.

Прямая родословная царей была уничтожена убийством. Узурпатор взошел на престол, и лжепретенденты, поддерживаемые польскими армиями, обосновались в священном городе Москве, в священном Кремле. Римско-католическая церковь и иезуиты должны были вытеснить Восточную церковь. **Цари (Шуйские), избранные частью дворянства и народом Москвы после свержения одного из претендентов, были привезены в цепях в Польшу и умерли в Варшаве в тесном заключении.** Это было в начале XVII века. Поляки правили в Москве несколько лет, и две короны были на пороге объединения на голове польского князя — это объединение, если бы оно состоялось, поглотило бы или изменило бы самобытную, подлинную национальность русских. Все это было результатом вышеупомянутого насильственного разрыва в родословной царей. Религия воспламенила народ — враг, обосновавшийся в Москве, был изгнан — победа увенчала усилия религиозных патриотов, и ядро национальной идентичности было восстановлено.

Весь народ, без различия классов, теперь избрал дом Романовых на высший пост. Эти события укрепили в народном сознании веру в тесное, почти божественное слияние религии и царизма — в его провиденциальную необходимость для жизни и благополучия нации. Царизм как идея не основан исключительно на одном классе нации, как это было в средневековых монархиях Европы, или в Венгрии и Польше. Он отождествляется с религией и со всей массой народа. Это признает корона во все моменты опасных кризисов, и это подтверждается всеми императорскими прокламациями со времен Михаила, Петра Великого и Екатерины, вплоть до той, что была опубликована в 1849 году, после завоевания Венгрии. Все они несут на себе почти один и тот же отпечаток. Скромны в религиозном отношении, но гордятся русской национальностью, презирают и высокомерны по отношению к любому иностранному государству или правительству, даже ко всему миру за пределами России. Такой стиль речи соответствует сокровенным, ярким чувствам масс, твердо стоящих на своей вере. Они считают себя первым народом в мире — единственным истинным христианским народом, — ибо Всевышний Россия, родина, — это белая, или святая земля, — весь остальной мир — темный, или черный, — а столица, Москва, самая белая, святая и священная. Таким образом, любой иностранец, торговавший в Россию, — язычник, а не христианин.

Российское самодержавие умело использует и эксплуатирует эту интенсивность чувств и убеждений, чтобы поддерживать и укреплять свою неестественную власть. Расширяя границы империи — завоевывая другие страны или, как сейчас, оказывая давление на Европу и становясь верховным арбитром ее судеб; это самодержавие питает и удовлетворяет безграничную национальную гордость, на время утоляет бесчисленные внутренние недовольства — не оставляя им ни времени, ни возможности объединиться и сконцентрироваться.

Философы XVIII века окрестили этот своеобразный деспотизм царей более цивилизованным выражением «империализм» и соответственно восхваляли его. Это, опять же, в определенной степени, отреагировало на нацию и укрепило в ней власть царя, или, как мы можем сейчас это назвать, имперский символ веры. Народ верил, что благодаря ему он получает положение в царских кругах мира, славное и видное место среди древних народов. Если император или царь попирает своими шпорами королей, князей и народы Европы, даже самый бедный крепостной верит, что он разделяет это деяние и славится славой царя. Таким образом, самодержец является великим воплощением всей русской нации. «Знай наших!» — в таких случаях всеобщее выражение удовлетворения.

Деспотическое, всепоглощающее и всепоглощающее кредо, которое мы назвали царизмом, является простым результатом времени и событий. Но такие результаты, какими бы ни были их сила, как бы глубоко ни коренились они и как бы долго ни длились, в конечном итоге разрушаются, растворяются, уничтожаются теми же элементами, теми же силами, которые их породили. Время порождает новые элементы активности и новый спектр событий; некоторые из них, проистекающие из его собственного существования, с непреодолимой силой унесут царизм в вечную бездну. Вопрос в том, когда прозвучит его похоронный звон? Этот благословенный час не так далек, как некоторые полагают. Вот и все об историческом формировании этой автократии. В следующей главе дается краткий обзор нынешнего царя, показывающий, как царизм медленно, незаметно для некоторых, но тем не менее неизбежно, роет себе могилу.

ГЛАВА II. ЦАРЬ НИКОЛАЙ

«Часть той силы, которая всегда желает добра и всегда порождает зло». Гёте

Царизм, как идея в представлениях русского народа, а также как факт в национальном существовании, достиг своего апогея в лице правящего царя (ред. Николай I). Что бы ни говорили и ни желали этого враги света и свободы, и консерваторы согласно всем физическим законам природы, а также законам, явленным в истории, с этой точки кульминации царизм неизбежно придет в упадок. Эти решающие моменты неизбежны и управляют круговоротом тел и судьбами людей и народов. Неестественное поклонение императорской власти начинает медленно угасать уже сейчас в сердцах многочисленных слоев населения всех классов, а внешний блеск, которым она еще окружена, зависит от личности нынешнего царя, чье успешное правление на протяжении более четверти века поддерживало и разжигало пламя верности и приучило массы верить в его удачу и умелое государственное управление. Подобный престиж не будет окружать его преемников. Очарование исчезнет. Несомненно, трусость, недавно проявленная остальной Европой, или, скорее, позорное предательство ее монархов, аристократии и консерваторов, в значительной степени способствовала усилению ложного блеска, окружающего царя. Однако таким образом он сам почти исчерпал все топливо, которое вера нации могла ему предложить в качестве жертвенного всеожжения. Идея исчерпана им; ее угасание началось; и это неоспоримая истина и закон: то, что начало увядать как идея, уже не может долго поддерживаться как факт.

Нынешний император родился 6 июля 1796 года, сейчас ему 58 лет. 1 июля 1817 года он женился на принцессе Пруссии⁹, сестре правящего короля. Она родилась 13 июля 1798 года. У них шестеро детей — четверо сыновей и две дочери. Старший сын (ред. Александр 2), наследный великий герцог, родился 29 апреля 1818 года и женился 28 апреля 1841 года на принцессе из дома Дармштадт¹⁰: в настоящее время у них четверо детей.

О внешности Николая сказано много. Он так же тщеславен, как любой денди. Взгляд его больших, сине-зеленоватых, кристально чистый пронзает насквозь, словно острия двух замерзших льдин. При таком взгляде холодом покалывает все существо.

Николаю не предрекали императорский престол (он был третьим сыном в семье); однако его образование не было заброшено. Его мать, рассудительная немка из королевского дома Вильтемберга, руководила им, как и образованием его младшего брата Михаила. Как и два старших брата, Александр и Константин, мальчики воспитывались под опекой императрицы Екатерины и получали энциклопедическое образование от швейцарского преподавателя Ла Харпа. Среди наставников Николая был знаменитый экономист Сторч; и идеи, посеянные этим сильным умом, пустили корни в юном ученике, развиваясь в определенной степени на протяжении всей его жизни.

Великая дуэль между Наполеоном и Россией вскоре сделала изучение армейской структуры одним из главных занятий молодого великого князя, а другие занятия были несколько заброшены. Здесь я могу заметить, что в этой семье наблюдается своего рода психическое расстройство, особенно после несчастного Петра III, из-за которого все они считают своим призванием быть хорошими капралами. Все они посвящали и посвящают как можно больше времени тому, чтобы мучать солдат ежедневными упражнениями и всеми мелкими маневрами парада. Но Николай ни один из всей семьи никогда не проявлял никаких более высоких военных способностей. Каким бы способным он ни был, как и его отец и три брата, но он не мог

⁹ Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская из рода Гогенцоллерн. Для народа — Александра Федоровна Романова.

¹⁰ Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессенская. Для народа — Мария Александровна.

заметить пуговицу не на своем месте на форме отдельного солдата, выстроенного в шеренгу с сотнями других, или любой другой недостаток в снаряжении, никогда не мог визуально измерить дальность стрельбы из ружья или расстояние, пройденное пулей.

Таким образом, во время кампании против турок в 1828 году он стремился заслужить военные лавры благодаря своей уверенности в вопросах осады и укрепления. Русские войска окружили неприступную крепость Шумла, ключевой пункт на Балканских горах. Николай указал место, где нужно было разместить тяжелые орудия для открытия огня по крепости, — и пули упали на полпути от стен. Его военачальники никогда не превосходили способности руководить различными маневрами одного кавалерийского полка. Передвижения двух полков вместе взятых, для него были слишком сложны.

В фиктивных сражениях, которые он ежегодно устраивает себе в качестве развлечения и в которых зачастую безжалостно было задействовано 150 000 человек в самый жаркий сезон, с огромными затратами и потерей времени, император иногда брал на себя командование половиной армии, но всегда совершал самые непростительные ошибки и оказывался переигран противником. Его даже брали в плен вместе с посохом за обеденным столом; и теперь, наученный таким опытом, он занимает место среди судей импровизированного лагеря.

Во время вышеупомянутой кампании в Турции Николай вступил в армию под командованием фельдмаршала князя Витгенштейна, постоянно вмешиваясь, как нам рассказывали, в её военные действия. Именно этому несвоевременному вмешательству были обязаны печальные результаты этой первой кампании. В следующем году командование было передано фельдмаршалу Дыбичу. Первым условием принятия командования было то, что оба императорских брата, Николай и Михаил, должны оставаться дома и молчать. Николай, повзрослевший благодаря опыту предыдущего года, согласился с этим требованием. Результаты известны. Армия пересекла Балканы, взяла Адрианополь, и там был подписан договор, носящий это название. Дыбич получил прозвище Забалканский (Большой Балкан). С тех пор Николай больше никогда не вступал в армию и не появлялся лично ни на одном театре военных действий.

С момента заключения мира в 1815 году до своего восшествия на престол в 1825 году он почти исключительно посвящал свое время военным учениям, но был известен лишь как изобретатель передвижной кухонной печи для использования в лагере. Однако, похоже, это был своего рода трюк, подобный тому, который использовал папа Сикст V, чтобы не вызывать подозрений в болезненном уме Александра, который с 1822 года до самой смерти страдал от глубочайшей ипохондрии. Примерно в 1821 году был заключен семейный пакт, согласно которому Константин отказался от своего права на престолонаследие, и Николай был объявлен наследником престола. Но это держалось в строжайшей тайне и было известно лишь трем или четырем лицам. В тот период Николай изредка присутствовал на заседаниях специального министерства, или государственного секретаря, возглавляемого знаменитым графом Аракчевым, в руки которого Александр в последние годы своей жизни полностью передал бразды правления. До сих пор это было так: граф имел в своем распоряжении множество бланков с подписью Александра и, таким образом, мог принимать решения, публиковать и исполнять любые законы или любые другие распоряжения. По-видимому, граф, честный человек и великий человеколюбец, обладая этой властью, не злоупотреблял ею. После смерти Александра Аракчев, находившийся в своих владениях в деревне, немедленно вернул Николаю все бланки императора Александра, находившиеся в его распоряжении.

За это новый император наградил его любимой формой Александра Македонского, которую он должен был сохранить как реликвию. Вскоре после этого граф получил приказ никогда не покидать свои владения без специального разрешения царя. Я упоминаю эти факты, потому что они дают наилучшее представление об истинном характере этого человека.

История уже зафиксировала кровавую драму, сопровождавшую восшествие Николая на императорский престол. Это не было тем, что французские писатели называют дворцовой

революцией, трагедией в чулане или спальне, разыгранной несколькими придворными и заговорщиками, выступающими в роли убийц, а происходило публично, перед народом, на улицах и, так сказать, на форуме, и среди действующих лиц были лучшие, самые интеллектуальные и молодые силы нации.

Следует отметить, что как только весть о смерти Александра достигла Санкт-Петербурга, где проживал Николай, он сначала не воспользовался отставкой своего старшего брата, а принес ему клятву верности, и то же самое сделал весь народ, ожидая решения Константина, который тогда проживал в Варшаве и который после некоторых колебаний сдержал свое слово об отречении.

В тот знаменательный для него и русского народа день Николай проявил великое личное мужество и спокойствие, рассудительность. Попытка восстания была подавлена, и первые смутные стремления России к своего рода конституционной свободе, созданной по английским и французским образцам, были пресечены. Были ли эти стремления преждевременными или нет, и было ли их подавление полезным или катастрофическим, нельзя обсуждать в этом кратком обзоре. Среди причин, приведенных революционными лидерами для попытки подавить самодержавие или даже изгнать династию, они указывали на плачевное состояние России, вызванное слабоумием Александра в последние годы его правления; на дикую жестокость его брата Константина и на предполагаемую полную некомпетентность Николая. Николай, который, скрываясь за ширмой, ежедневно присутствовал на допросе заключенных, слышал все это и таким образом получил полезный урок.

Обвиняемые были приговорены, некоторые к смертной казни, другие к пожизненному заключению в Сибири или на более длительный или короткий срок. В ходе исполнения этих приговоров, а также во время длительной ссылки — двадцать лет для некоторых из осужденных — Николай показал проблески характера и чувств, которые не раз проявлялись во время его правления, — раскрывающие хладнокровное сердце и склонность тирана, насколько это вообще возможно в наше время, даже в России. Самая заметная и глубокая черта его характера, омрачающая его действия, — это неумолимая, неугасимая злоба. Таким образом, он никогда не понимал, как быть щедрым, полностью милосердным. Это больше, чем он может себе позволить. То, что на языке монархий называется дарованием помилования и проявлением великодушия, он никогда не может совершить с тем величием, которое порой демонстрировали даже самые проклятые тираны. Он медленно, капля за каплей, выжимает прощение; однако, никогда не наполняя при этом чашу прощения до конца, забывая одну из самых популярных русских пословиц: «Казнить так казнить; миловать так миловать» («Будь непреклонен в наказании, будь великодушен в прощении»).

Смертная казнь была отменена в России императрицей Елизаветой¹¹ столетие назад, за исключением приговоров военных трибуналов. Когда приговор к смертной казни виновникам движения декабристов¹² 1825 года был представлен на утверждение царю, он три дня отказывался его подписывать, не желая восстанавливать подобную меру. Его советники уговаривали его сделать этот шаг. Он уступил их совету. Из Стокгольма был привезен палач, поскольку в России его не было. Казнь пяти осужденных состоялась публично в Санкт-Петербурге. На церемонии присутствовал генерал-губернатор столицы. Четверо были казнены один за другим. Пятым и последним по порядку был Рылеев, любимый и популярный поэт. Веревка оборвалась, и он упал на землю, слегка раненый, но живой. Толпа одновременно издала громоподобный стон. Генерал-губернатор колебался и послал за приказом к императору. Ответ был: «Возьмите более прочную веревку и приступайте к казни». В том же духе он так и не освободил

¹¹ Младшая дочь Петра I и Марты Самуиловны Скавронской

¹² П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин и П. Г. Каховский, приговоренные к смертной казни.

полностью ни одного из политических ссыльных в Сибири, даже после долгих лет наказания; даже когда его сын смиренно ходатайствовал за некоторых из них. Бессмертный поэт Пушкин в своих единственных стихах, обращенных к Николаю, побуждая его следовать по стопам Петра Великого, увещевает его уподобляться Петру в прощении и быть недолговечным в забвении, как был его великий предок.

Все его качества, как хорошие, так и плохие, проявились на поверхности и сформировались, когда он взошел на престол. Первые шаги молодого правителя были сделаны осторожно, с большой осмотрительностью. Он старался окружить себя честными людьми. В своем выборе он руководствовался тем, что можно назвать карикатурой на общественное мнение, голосом нескольких советников, а также руководством своей матери. Таким образом, он делал как удачные, так и неудачные шаги. Он посвятил свою деятельность прекращению беспорядков, которые охватили империю в последние годы правления Александра I; в это время, можно сказать, не было ни правительства, ни администрации, и Россия держалась вместе благодаря внутренней, врожденной силе сплоченности. Его первоначальным стремлением было стать реформатором, дать новый и освежающий импульс нации и пробудить ее интеллект и силы. Эти первые шаги оказались успешными. Апатия прошлого правления была настолько велика, что малейшее движение в новом направлении не могло не принести пользы. Нация увидела новый свет, перед ней зарождалась новая эра. Николай провозгласил превосходство закона над собственной волей. Казалось, всё расцветает под лучами успеха. Его звезда восходила и сияла всё ярче и ярче. Турецкие и персидские походы приносили славу. Но затем последовало польское восстание. Россия, после первого удара, который был для неё почти смертельным, оправилась, — и Польша была усмирена.

Эти события, к счастью, произошедшие одно за другим, окружили Николая ярким нимбом. Народ верил в него. Люди всегда поклоняются успешным. И таким образом царизм, униженный Александром, вновь поднялся на более высокий уровень. В этот период своего восхождения Николай верил, что его миссия — вести свой народ к свету и цивилизации, что он должен заложить краеугольный камень для его нравственного и социального улучшения. Он считал это миссией самодержца. Серьезность его намерений и усилий в то время ослепляла и привлекала множество великодушных умов, множество сильных и активных интеллектуалов, и они стремились служить под его знаменем, разделять с ним его труд, но великодушный труд. Это было нечто большее, чем мечта — это была реальность, длившаяся несколько лет. Казалось, что по мере его восхождения его разум расширялся и очищался. **При Екатерине и Александре Россия была переполнена иностранцами, национальный гений был искалечен, все в мышлении, действиях и литературе было лишь подражанием. Николай выдвинул идею вновь окунуть русский ум в чистый животворящий источник подлинной, незапятнанной национальной идентичности — сделать её центром и ориентиром цивилизации. Таково происхождение так называемого русского государственного панславизма.**

В то время Николай был открыт истине, терпеливо, а иногда и с благодарностью выслушивал протесты. Он допускал критику злоупотреблений посредством книг и театральных постановок. Он боролся изо всех сил и пытался искоренить безграничную продажность и коррупцию — возможно, неосознанно, поскольку они лежали в самой основе принципа, которым он руководствовался в своей власти. В первые годы своего правления он несколько раз пытался смягчить суровость цензуры как для отечественных, так и для зарубежных изданий и газет, но его постоянно отговаривали советники. Очень скоро он устал от многих полезных мер, которые он пытался предпринять. Но ему не хватало подлинного знания народа. Таким образом, он часто ошибался в своем выборе принятия решений. В своих попытках реформ он споткнулся о вышеупомянутое препятствие. Бесспорно, он обладал способностью понять новую реформаторскую идею, и даже глубокую и широкую; принять и придать ей форму — превра-

тить ее в закон. Но, лишённый возможности учесть все детали, необходимые для реализации реформы на практике, он в своих начинаниях был вынужден полагаться на добрую волю своих министров, которые очень часто, якобы подчиняясь его воле и притворяясь, что принимают запланированную реформу, окружали её осуществление бесчисленными трудностями и таким образом часто препятствовали её осуществлению. Так многие запланированные и даже предписанные реформы были заброшены.

Мать внушила ему твердость принципов и религиозное уважение к собственному слову. Так он выработал безупречную честность. Он с презрением или неприязнью относится ко всем дипломатическим уловкам и дипломатическим махинациям. Он хороший муж, прекрасный отец; но эти качества не всегда свидетельствуют об истинной великодушии. Мало кто, если вообще кто-либо, видел, как теплые слезы окропляют его глаза при виде великого полководца, а не при виде его собственного несчастья. С самого начала своего правления можно сказать, что он был щедр по-своему и даже расточителен, главным образом для демонстрации своих привилегий, находясь в чужих странах, а также по отношению к тем, кто его окружает и кого он считает всецело преданными ему. Но такие люди нуждаются в доброте меньше, чем другие, которые усердно трудятся на службе на более низких должностях и к которым он довольно скуп. Но как бы он ни оказывал услугу, он всегда делает это просто, естественно, но всегда с помпезностью, порой болезненной для того, кто её получает. Это наводит на мысль, что ему не хватает истинной доброты сердца, в этом отношении он намного уступает своему брату, Александру, даже Константину.

Эти главные черты его ума и характера были его спутниками, светом и тенью в осуществлении власти, на его пути к её кульминации. Достигнув её, он не смог противостоять её опьяняющему влиянию. Ни один смертный не может; только Христос, в своей божественной природе, сопротивлялся искушению. Но искушитель, дух лжи, тьмы и предательства, этот отец абсолютизма, берёт под контроль других. Он покоряет их всех. Так он погубил Наполеона. На этой неестественной высоте голова Николая вскоре закружилась. Все благородные устремления угасают в этой атмосфере. Только самые низменные благоволия и восхваления стали для него приемлемы. Тогда и настал час его морального падения, невидимый извне, но глубоко ощущаемый Россией.

В начальный период своего правления, когда его моральное влияние было на подъеме, царь, как мы уже видели, пытался зажечь и распространить среди народа искры или проблески света и жизненной силы. Но десять или двенадцать лет спустя произошли перемены. Его разум пошатнулся, и началось нисходящее движение. Области деспотической власти, не ограниченные ни законом, ни разумом, подобны эфирному пространству, где плавают небесные тела, сами по себе темные, холодные и безжизненные. В этой безрадостной сфере царь утратил восприятие света. Он призвал дух тьмы и заключил с ним договор, выступив против собственного народа. Лучшие зачатки его ума зачахли, в то время как сорняки его характера разрослись с размахом, отравляя и задушив все щедрые пульсации его сердца.

Время, когда он позволял некоторым из своих советников давать ему даже самые скромные советы, подошло к концу. Теперь он стал требовать слепого повиновения и самого унижительного восхищения. Однажды, например, он уполномочил князя Голицина¹³, генерал-губернатора Москвы, обращаться к нему откровенно и сообщать, если какие-либо из его действий будут неприятны для национального духа. Князь, пользовавшийся высочайшим уважением народа, а также высоким социальным и официальным положением, иногда, хотя и очень редко, пользовался этим доверительным разрешением. Какое-то время его замечания принимались благосклонно. Но однажды, когда он предупредил государя о мере, которая была совершенно

¹³ Дмитрий Владимирович Голицын (1771 — 1844)

не приветствуема нацией, деспот сказал ему: «Князь, вы становитесь революционером; когда-то мне нужны были советники, а теперь я могу править сам без них».

С начала его правления министрам были установлены определенные дни и часы для ведения дел с царем, каждый отдельно по своему ведомству. Теперь они поняли, что безопаснее всего говорить только в общих чертах и, насколько это возможно, не разглашать никаких тревожных событий и не сообщать ему истинное положение дел. Все дела должны были быть представлены в самых приятных красках. Таким образом, отчеты, подготовленные для монарха, должны, если использовать распространенное выражение, быть «как мёд в уши». Первым, кто ввел этот новый порядок, был граф Киселев¹⁴, глава недавно созданного ведомства — департамента общественных земель, охватывающего население почти в двадцать миллионов человек. Следом за ним пришли князь Меншиков¹⁵, секретарь военно-морского флота, и граф Александр Строгонов¹⁶. Но были и исключения, и некоторые министры придерживались старых методов. Однако непогрешимость царя стала всеобъемлющей темой для льстецов, для узких придворных кругов, а также для литераторов, писателей и поэтов, преимущественно проживавших в Санкт-Петербурге. Затем они начали возносить благовония, восхваляющие его аполлоноподобный облик. Не только придворные из родных мест, но и зарубежные, мелкие немецкие князья и их свита, а также другие дворы — например, стокгольмский — возносили подобные благовония перед идолом. Идол теперь искренне верил в непреодолимое влияние и притягательность своей внешности. В этом объясняется его неожиданный визит к королеве Виктории в 1844 году, а также визиты в Вену и к Папе Григорию XVI в 1846 году, которые оказались неудачными.

Когда-то он зажег пламя подлинной национальности. Теперь нация воплощена его личности. Никакие другие проявления национального духа не допускаются. Любые сценические представления, критикующие злоупотребления, запрещены. В то же время военное увлечение все больше овладевает его интеллектом. Все должно быть подчинено военной подготовке. Так, например, юридические и хирургические училища в Санкт-Петербурге являются военными учреждениями. Империя разделена на университетские округа под управлением секретаря народного образования. Руководители этих округов, директора государственных школ и высших гимназий, а в последнее время даже сам министр, берутся либо из армии, либо из флота, главным образом из последнего, как наиболее подходящие для поддержания железной власти.

Наконец, был издан указ, разрешающий ежегодное получение высшего образования в университетах только трёмстам молодым людям. Общее ежегодное число учеников составляет 1800 человек, и все они берутся исключительно из дворянского сословия; как поясняет другой указ, горожанам, составляющим первую и вторую гильдии, запрещено своим детям получать высшее образование, поскольку, как объясняет указ, это способствовало бы пробуждению желаний и стремлений, которые не будут достигнуты и реализованы этим классом в России, и тем самым распространило бы недовольство реальным положением отдельных лиц и класса.

Серьезное изучение истории и философии запрещается как опасное и способствующее возвышению и очищению ума от идей и представлений. То же самое касается и классических исследований. Не допускается даже намек на свободную научную критику. Все должно быть окутано холодной пеленой ледяного деспотизма.

Гений России навеки будет скорбящим обвинителем перед судом Божьим и неподкупной, неумолимой историей за кровавое уничтожение его самых ярких проявлений — проявившихся в Рылееве, в Пушкине, одном из величайших поэтов своего времени, — в Лермон-

¹⁴ Павел Дмитриевич Киселев (1788 — 1872)

¹⁵ Александр Сергеевич Меншиков (1787 — 1869)

¹⁶ Александр Сергеевич Строгонов (1818—1864)

тове и в Бестушеве-Марлинском. Пушкин пал на дуэли, став жертвой распутного тщеславия императора. Царь, разжигая позорный скандал, который он мог бы задушить еще в зародыше, стремился отомстить этому независимому и негибавшему поэту, сопротивлявшемуся всяким соблазнам. За оскорбление придворной сплетни и одновременно за поступок, подобающий высокородному и великодушному человеку, Лермонтов был сослан на Кавказ и там преждевременно скончался. Марлинский также был отправлен туда, чтобы искупить свои либеральные взгляды. О судьбе казненного Рылеева я уже рассказывал. Все эти люди и многие другие были раздавлены и подавлены Николаем. Среди многих, кого царь всячески пытался заставить замолчать, был Хомяков, к которому деспот относился с показным презрением, потому что этот многогранный гений воспеваеет Россию; потому что он глубоко чувствует, что ее возвышенные судьбы независимы от царизма; и потому что поэт и мыслитель никогда не преклонял колен, не унижал свои вдохновения и свое перо официальным восхвалением.

Что касается панславизма, который стремился освободиться от государственного контроля и стать подлинно национальной концепцией, полной жизни, несущей в своем лоне будущие свободные судьбы России и славянской расы; даже упоминание его имени запрещено всем, кто занят на государственной службе. Для чиновников, профессоров школ и университетов это запрещено самыми суровыми наказаниями, такими как увольнение со службы или тюремное заключение. Название панславизма никогда не должно упоминаться в речи или печати. Аналогичный запрет и аналогичные наказания налагаются на написание истории Нового времени или правления царя. Любая публикация на эту тему должна быть подвергнута цензуре министра двора или главного дворцового управляющего, генерал-фельдмаршала русской армии. Таким образом царь исполняет пророчество, прозвучавшее незадолго до его смерти, — пророчество Лермонтова.

Сказал уму:
Иди во тьму!
И подписал:
Будь по сему.
Царь Николай.

Все ветви внутренней администрации подвергаются одинаковому контролю. Повсюду царит слепая и грязная лицемерие и ложь. Коррупция и продажность таким образом отвоевали утраченные позиции. Люди самой нечистой натуры — лишенные даже малейшего проблеска чести, как, например, граф Клейнмихель¹⁷ и генерал Дюбельт, — становятся всемогущими фаворитами или доносчиками правителя.

Таким образом, беспорядок и угнетение вновь разъедают сердце России. В преклонном возрасте царь ненавидит видеть вокруг себя новые лица или принимать их в свой кабинет, особенно тех, кто мог бы проявлять независимый характер или прямолинейность и честность. Это прежде всего проявилось в его выборе министров финансов и казначейства. Старый граф Канкрин¹⁸, назначенный на этот пост вскоре после восшествия на престол Николая, — внес туда некоторый порядок, некоторые конструктивные идеи, — восстановил и пополнил кассу, которая оставалась пустой после роковой дезорганизации, беспорядка и грабежа, открыто процветавших в течение последних трех лет правления Александра и при секретарском посту графа Гурьева¹⁹. Канкрин умел противостоять расточительным тратам молодого монарха, и Николай часто с благодарностью уступал советнику. Но когда после смерти графа вакантный пост нужно

¹⁷ Петр Андреевич Клейнмихель (1793 — 1869)

¹⁸ Георг Людвиг Канкрин (1774 — 1845)

¹⁹ Дмитрий Александрович Гурьев (1758 — 1825). Муж графини Салтыковой П. Н.

было заполнить, царь очень тщательно искал человека, который бы слепо подчинился, ни в коем случае не выражая ни малейшего протеста. Таким был граф Вронченко, таким является его преемник Брок²⁰, раболепный немец.

Финансовое положение государственного или имперского казначейства с каждым годом ухудшается. **Однако не следует путать это с реальными ресурсами России. Сами по себе они неисчерпаемы, и на них основан кредит, которым империя в целом по праву пользуется.** Но, несмотря на кажущееся положение дел, производительные силы, дающие такие результаты даже в самых неблагоприятных условиях и обстоятельствах, на самом деле пока находятся лишь в скрытом состоянии и не могут быть задействованы для роста и подлинной активности без порядка и свободы. С другой стороны, лихорадка расточительности усиливается у царя все больше и больше — и эту лихорадку необходимо удовлетворять любой ценой. Таким образом, финансы становятся все более и более затруднительными, поскольку не все ресурсы нации и земли находятся в жадной власти имперского казначейства. Прямое налогообложение в России не практикуется. Дворянство не может облагаться прямым налогом, как и земля, и крепостные. Последние платят лишь небольшой подушный налог в размере около доллара²¹ с человека, доходы от которого предназначены для поддержания местной администрации различных провинций, или правительств, как их называют. Но миллионы этого налога остаются неоплаченными годами — и эта задолженность растет с каждым днем. Целые провинции иногда приходится освобождать от уплаты налогов из-за реальной невозможности, вызванной как засухой или штормами, так и плохим, деспотичным, беспорядочным, беспринципным и нерациональным управлением подлинными богатствами нации и земли.

Основные доходы империи состоят из монополии на продажу всех видов спиртных напитков — продукции таможи и ренты, уплачиваемой коронными владениями. Другие источники дохода, такие как гербовый сбор, добыча полезных ископаемых и т. д., сравнительно незначительны. Для увеличения доходов от таможи взимается пошлина на экспорт отечественной продукции. Общий доход может составлять от 125 до 130 миллионов долларов. Из этой суммы почти половина поступает от монополии на спиртные напитки; таможня приносит около 26 миллионов, коронные владения — около 34 миллионов, если верить официальным публикациям. Но, прежде всего, официальным заявлениям о финансах следует не доверять; а в России всё официально. Почти две трети всего дохода уходит на содержание огромной армии и флота. Какими бы малыми ни были реальные жалования солдат и офицеров, разграбление в этой отрасли службы не поддается подсчету. Остаток доходов, после вычета задолженностей нескольких ведомств, но главным образом владений короны, должен покрывать расходы на общее управление, выплату процентов по государственному долгу, содержание многочисленной императорской семьи и, наконец, расходы императора на своих фаворитов и его расточительность, для которых его личных доходов на многие миллионы недостаточно.

В газетах много говорилось об инвестициях, которые царь несколько лет назад сделал в британские и французские ценные бумаги. Это был не что иное, как шедевр тщеславия и хвастовства, и было действительно любопытно читать нелепые спекуляции журналистов, экономистов и государственных деятелей, таких как, например, г-н Тьер²², по этому поводу. **Эта загадочная инвестиция²³ была сделана после года общего неурожая по всей Европе, за исключением России, которая экспортировала пшеницу на сумму более восьми миллионов долларов. Поэтому с финансовой точки зрения, это было бессмысленным вложением. Тем более, что у России есть государственный долг, и она платит**

²⁰ Петр Феликс Брок (1805—1875)

²¹ 1 доллар США стоил тогда примерно 1,3 — 1,5 серебряных рубля (или около 65—75 копеек серебром за 1 доллар)

²² Мари Жозеф Луи Адольф Тьер (1797 — 1877)

²³ Общая сумма инвестиций составила 80 000 000 франков (или 20 000 000 рублей серебром), что, примерно, оценивается в 15 000 000 долларов США

по нему проценты по ставке, намного превышающей ставку Банка Франции. Если бы, следовательно, имперское казначейство обладало этими избыточными миллионами, наилучшим вложением было бы вложение в государственный долг внутри страны. Вскоре после этого тот же министр финансов, который отправил имперские миллионы в Париж и Лондон, был вынужден предоставить кредит для Петербургско-Московской железной дороги. Это дало еще один повод выгодно инвестировать избыточные средства императора, поскольку проценты по этому кредиту превышали проценты, полученные от Франции. Следует добавить, что вся эта шумная финансовая операция была должным образом оценена здравомыслящей частью нации и вызвала не столько их восхищение, сколько восхищение иностранцев.

Потребности казны растут почти ежедневно, и для их удовлетворения взимаются налоги с граждан или горожан, крестьян и крепостных коронных владений. **Приблизительные доходы империи, как уже было сказано, составляют около 130 000 000 долларов. Государственный долг составляет почти 320 000 000 долларов. Ежегодные проценты по нему составляют более 20 000 000 долларов — чуть более 6 процентов в целом.** Венгерская война внесла огромный вклад в истощение и без того скудной казны. Эта война, как и все последующие военные действия, значительно превосходят текущие доходы — реальные государственные ресурсы правительства. Правда, в случае необходимости могут быть применены чрезвычайные меры. Банки и их депозиты находятся в руках нуждающихся правителей, которые прибегают к ним и будут делать это все чаще и чаще, что бы официально ни говорилось об обратном. В казначействе нет накопленных сбережений, нет возможности их создать, и даже не задумываются об этом.

Ежегодно публикуется помпезное объявление о внесении в хранилища Петропавловской крепости в присутствии официальной делегации купцов Санкт-Петербурга драгоценных металлов. Эти металлы объявляются обеспечением или гарантией бумажной валюты в обращении. Но это обращение совершенно произвольно, и правительство, объявляя о нём, совершенно не контролирует ситуацию. **Соотношение банкнот к внесенному металлу составляет, по меньшей мере, три к одному. Этот запас драгоценных металлов был использован во время войны в Венгрии, что значительно сократило объём эмиссии; однако пропорционально увеличился и выпуск банковских векселей.** Этот факт, не обсуждаемый публично, хорошо известен в России. Что касается доверия, которым пользуются банковские векселя, то оно коренится в доверии нации, в её собственной жизнеспособности, а также в коммерческих потребностях. Колоссальная внутренняя торговля по всей империи, простирающаяся от границ Германии до Китая и от замерзшего океана до границ Персии и Аравии, не использует частные или государственные банковские чеки или векселя, выписываемые купцами и служащие средством обращения, а почти исключительно осуществляется либо путем бартера, либо за наличные. Банковские дома в отдельных городах на Балтике, а также в Москве, Одессе и Петербурге, скорее предназначены для удобства внешней торговли. Богатый купец, например, из Москвы или Петербурга, закупающий хлеб, лен, золу, сало, шкуры и т. д. во внутренних районах империи, должен возить с собой или через своих агентов сотни тысяч наличными, чтобы немедленно расплатиться на месте с мелкими торговцами во внутренних районах. Доставив товар в пункт назначения, он продает его иностранному экспортеру, как правило, снова за наличные. Мало кто из русских сам занимается экспортом, если вообще кто-то занимается.

Теперь легко представить, что во время путешествий перевозить при себе такие значительные суммы проще и, главное, безопаснее в бумажных деньгах, чем в монетах. В этом и заключается главная проблема кредитоспособности векселей, несмотря на их чрезмерный выпуск по отношению к основе, на которой они выпускаются. На всех крупных внутренних ярмарках, где собираются торговцы со всей империи, а также с Дальнего Востока — напри-

мер, на ярмарке в Нижнем-Новгороде — не видно ни векселей, ни переводных векселей; и все же, несмотря на имперскую необходимость бумажной валюты, может наступить момент, когда торговля окажется неспособной обеспечить кредитоспособность векселей, и последует банкротство, как моральное, так и финансовое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.